

В. ПИЩЕНКО
**ЗАПУТАННЫЙ
СЛЕД**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Виталий Пищенко

Запутанный след

«ВЕЧЕ»

2019

Пищенко В. И.

Запутанный след / В. И. Пищенко — «ВЕЧЕ», 2019 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-7920-5

Группа туристов, совершавших сплав по далёкой сибирской реке, неожиданно исчезает. Следы ведут в безлюдный угрюмый распадок, туда и направляются разыскивающие пропавших. Они даже не представляют, что ждёт их в этих странных и таинственных местах, равно как и то, что впереди поиски древнего артефакта, утерянного давным-давно. Да ещё дело осложняется тем, что на пути у героев романа встают люди, готовые на всё, лишь бы добиться своей цели... Роман лауреата премии имени И.А. Ефремова, автора многих приключенческих и фантастических произведений, хорошо известных нашему читателю, впервые печатается в полном объёме.

ISBN 978-5-4484-7920-5

© Пищенко В. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Книга первая	5
Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	22
Глава третья	36
Глава четвёртая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виталий Пищенко

Запутанный след

Книга первая

УЩЕЛЬЕ ЗЛЫХ ДУХОВ

Пролог

Темнота окутала землю неожиданно быстро. Слились в чёрную полосу проплывающие мимо берега реки, заметно потемнели тревожно шепчущие что-то водные струи, лишь островки пены продолжали сереть в наступившем мраке.

– Рано что-то... – озадаченно протянул Сергей.

Гондола катамарана, на которой он устроился, проседала всё глубже, воздух из прорвавшегося мешка продолжал выходить, и Востриков погрузился в воду чуть ли не по пояс.

– Вечер же... – отозвалась Елена, чтобы хоть что-то сказать.

Молчать уже было невозможно, непонятно откуда взявшееся беспокойство не отпускало, давило на сердце.

– Вечер вечером, но до захода солнца ещё больше часа, – откликнулся Сергей.

– Ай, перестань! – разлепила губы Анна. – Хронометр твой ни в одну починку не примут, а наши с Ленкой часы нахлебались воды по самое не могу... И не нужно говорить о внутреннем чувстве времени, у меня такое ощущение, что мы уже неделю по этой чёртовой реке плетёмся...

– Всё равно ничего не понимаю, – миролюбиво пояснил Востриков. – Как ни крути, а до темноты нас должно было донести до жилых мест. Течение приличное и вообще...

– Вообще!.. – перебила его Анна. – Ясно же, что драндулет наш ползёт медленнее, чем мы рассчитывали. Твоя гондола почти затонула, да и нас с Ленкой вода уже всю захлёстывает. На поперечины я и смотреть боюсь, того и гляди совсем разойдутся. Придёт полная хана нашему плавсредству, что делать будем?

– Не бойсь! – Сергей улыбнулся, но бодрость его выглядела слишком искусственно. – Этот старичок нам ещё послужит. В крайнем случае на берег выберемся...

– Отличная идея! – фыркнула Анна. – На такую крутизну и с двумя-то руками чёрта с два заберёшься, а уж с одной...

– Ты как себя чувствуешь, кстати? – обеспокоенно спросил Востриков.

Анна подавила всё более нарастающее раздражение, постаралась посмотреть в сторону мужа как можно ласковее.

– Терпимо... – Она пошевелила пальцами обмотанной руки. – Перелома точно нет, да и на вывих не похоже. Скорее всего, сильный ушиб, скоро пройдёт.

– Ты, подруга, поаккуратнее всё же... – подала голос Ленка, предпочитавшая не вмешиваться до этого в диалог супругов. – Слушай Серёжка, на каком берегу деревня эта, как её там?..

– Ахтимнеево, – откликнулся Востриков. – На правом.

– Придумали же имечко... – неизвестно кому пожаловалась Елена, потом озабоченно произнесла: – А нас влево отжимает...

– Заметил уже, – сварливо отозвался Серёга. – А что делать? Выгрести поперёк течения мы едва ли сможем. Да и смысла в этом пока не вижу. Покажется деревня, тогда уж...

– Подозреваю, что Ахтимнеево это освещено хуже Красного проспекта! – фыркнула Ленка. – Как бы нас мимо не пронесло, не видно уже ни фи́га. Хотя, честно говоря, и мне казалось, что до заката ещё прорва времени...

Договорить не успела. Что-то зашуршало под днищем совсем просевшей в воду гондолы Сергея. Толчок, и сразу же затрещали поперечины.

Елена соскользнула в воду, с силой надавила на гондолу, которую тянуло к стрежню, стараясь не дать хлипкому сооружению окончательно развалиться. К счастью, здесь оказалось неглубоко, ноги твёрдо встали на дно.

– Сиди! – прикрикнул на Анну Востриков, уже оказавшийся рядом. – Мель, что ли?..

Совместными усилиями они оттолкнули катамаран к мрачно нависающему над головами берегу. Течение здесь почти не ощущалось.

– Бухточка, – констатировал Сергей. – Сейчас посмотрю, куда нас занесло.

Он похлопал к берегу. Анна молчала, вцепившись левой рукой в ремень гондолы. Ленка попыталась осмотреться. Ничего не видно. Чёрный берег, чёрная вода. Нет, похоже, ближе к середине реки что-то просматривается...

– Здесь промоина! – крикнул невидимый в темноте Серёга. – Похоже, русло пересохшего ручья. Крутизна, и песок под ногами плывёт...

– Осторожнее! – встревожилась Анна.

– Уже возвращаюсь. – Нечёткий силуэт приблизился. – Отмель там, – сообщил Востриков. – Небольшая. По промоине, по-моему, можно на обрыв подняться.

– Посмотри-ка. – Елена указала рукой. – Есть там что-то, или мерещится мне?

– Проверим! – загорелся Сергей.

– Осторожнее... – опять попросила Анна.

– Здесь неглубоко... Течение, правда, сильное. И тесно, берег совсем рядом, боюсь, не пройдёт наш катамаран... Ага... Выбрался я на остров... Сейчас, девчонки, ещё пять минут... Всё, возвращаюсь!

Шлепки по воде, потом из ночной черноты вынырнул насквозь промокший Серёга.

– Значитца так... – отдуваясь сообщил он. – Островок, причём достаточно маленький. Зарос ивой. В общем, ни черта интересного. По-моему, надо выбираться под обрыв, на эту отмель. Там какие-то сучья и гнилушки валяются, на костёр хватит, а спички у нас, слава богу, есть. Можно, конечно, остров этот обойти и дальше сплавляться, но этот вариант мне активно не нравится.

– Разве здесь лучше? – тихо спросила Анна.

– Выхода нет. Права Ленка: махнём мы мимо Ахтимнеева и не заметим его в темноте. А до следующего жилища чуть не сотня вёрст... Сейчас костёр распалим, отогреемся немного, а рассветёт, постараемся катамаран подшаманить. Перекусим тем, что сохранилось. Плыть немного осталось, так что с голоду умереть не успеем.

– Не в том дело... – зябко поёжилась Анна. – Не по себе мне что-то, тревожно, неудобно...

Елена промолчала, хотя и она испытывала странное желание как можно быстрее покинуть это место, а Востриков ласково привлёк жену к себе и сказал:

– Это у тебя из-за руки. Болит?

Анна молча кивнула.

– Вот видишь. Кого здесь бояться?

Словно в ответ на этот вопрос, откуда-то издалека донёсся сдавленный стон, будто кто-то невидимый жаловался на зря прожитую жизнь, тосковал о потерянном, зная при этом, что вернуть ушедшее уже невозможно...

– Что это? – испуганно встрепелась Елена.

– Не знаю... – Сергей явно был растерян.

Немного помолчав, он добавил:

– Птица какая-нибудь. Медведей и волков мне слышать доводилось, это не они, а других серьёзных хищников здесь не водится...

Из-за обрыва выкатился тонкий серпик молодой луны. Слабенький свет упал на пласт тумана, тяжело сваливающийся с берега на реку. Местами его плотное полотнище прокалывали стволы давно умерших деревьев, безуспешно пытающихся удержать упорно вырывающееся бесформенное существо, но оно продолжало своё движение, не обращая внимания на цепкие пальцы древесных мертвецов...

Глава первая

1

«Паршиво, когда день начинается со звонка Тёмы. Ведь не напоминал о себе, паразит, бог знает сколько времени, мог бы и ещё пару-тройку десятилетий подождать...»

Олег выругался сквозь зубы, прошёл на балкон, пощёлкал дешёвенькой газовой зажигалкой (огонёк на её конце вспыхнул не то с четвёртой, не то с пятой попытки – везут к нам со всего мира всякую дрянь), потом с тоской уставился на тёмные кроны тополей. Листья тяжёлые, подёрнуты какой-то сероватой плёнкой, которую не в состоянии смыть даже то и дело обрушивающиеся на город ливни, сопровождающиеся раздирающими небеса раскатами грома.

«А с другой стороны – делать всё равно нечего, так что даже любопытно, зачем вынырнул из небытия этот придурок...»

Пару недель назад Олега с работы попёрли. Нет, внешне всё обстояло вполне благопристойно: «Уволен по сокращению кадров, в целях оптимизации затрат...» Ну и прочие благоглупости, которыми научились прикрываться разнообразные чиновнички и хозяйчики в стремительно демократизирующейся России.

В принципе, ничего страшного не случилось: работа Олегу надоела до изжоги, а мурло так называемого «генерального директора» уже вызывало рвотный рефлекс. Просто произошло всё достаточно неожиданно, и Алексеев решительно не знал, чем занять остающиеся два с половиной месяца безделья. «Если хочешь получать положенное по закону пособие, равное среднемесячной заработной плате, работать в течение трёх месяцев со дня увольнения тебе ни в коем случае нельзя», – пояснил давний знакомец, подвизающийся на ниве юридических заковык. Какой же дурак откажется от дармовых денег? Особенно если проживаешь в России, где надуть государство испокон века считалось делом богоугодным. Вот и бил Алексеев баклуши, лениво размышляя о том, что неплохо было бы заняться... Чем? До конкретики мысли не доходили – путались, а потом и вовсе обрывались.

Устроившиеся на скамейке бабки-соседки, завидев прикуривающего Олега, заметно ожились, видать, нашли свежую тему для разговора. Что это они на самый солнцепёк выперлись? Обычно предпочитают укрываться в кустах, где имеется ещё одна лавочка, и оттуда зорко наблюдать за окрестностями... А, вот оно что – судя по доносящимся до балкона голосам, там обосновались представители сильной половины, избавившиеся от обязанности ежедневно ходить на работу. Чем они промышляют, никто не знает, но средств на регулярную выпивку освобождённым от труда пролетариям хватает...

– Ей-богу, не вру мужики! Так всё и было! Несут меня, значит, пьяного дратья...

Дальше сплошное «бу-бу-бу». Похоже, Мишка из соседней квартиры рассказывает о своей поездке к родственникам в деревню. Врёт наверняка, но картина представляется эпическая – перемещение богатыря (рост – метр с кепкой и каблуками, размер – сорок второй) к месту предстоящего смертоубийственного сражения...

Прошуршала колёсами по асфальту иномарка (какая именно, Олег не понял, да и не разбирался он, честно говоря, в импортных жестянках), остановилась возле подъезда. Словно чёртик из шкатулки, вынырнул из неё парень нехилого телосложения, привычно обзырвал окрестности и услужливо распахнул дверцу, предназначенную «для начальников». Тёма выдавил из автомобиля начинающую плющиться от сидения в многочисленных креслах задницу, запербирал жирными ножками – явно торопится. Сверху хорошо было видно, что его рубашка пропиталась потом, прилипла к гладенькой спине. Буквально через минуту входной звонок

залился прерывающейся трелью. Олег не спеша сделал последнюю затяжку («Подождёшь, не облезешь!») и только тогда отправился открывать дверь.

Первым в квартиру просочился мордovorот-охранник. Хозяина, тоже не жалующегося на габариты, он каким-то образом умудрился не задеть – видно, получил на этот счёт строгие указания «босса». Тёма вкатился следом, не разуваясь проскочил в комнату, плюхнулся в кресло и только тогда поднял на Олега покрасневшие глаза.

– Рюмки есть?

Алексеев пожал плечами, хотел было принести запрошенное, но передумал.

– Там же, где всегда. Нужно, сам возьми.

Охранник не удержался – бровь удивлённо дёрнулась, но Тёма уже шмыгнул в кухню и захлопал дверцами подвесных шкафов. Притащил два коньячных фужера, водрузил их на журнальный столик, мордovorот извлёк откуда-то тёмного стекла бутылку и плитку шоколада, несколькими заученными пассажами создал нужную картину («Даже салфетки не забыл, зараза!»).

– Лей больше! Конкретно, по сути, – хрипло приказал Тёма.

Не дожидаясь хозяина, высосал почти полный фужер коньяка и тут же снова протянул ёмкость охраннику.

– Ты что, надираться сюда приехал? – холодно осведомился Олег.

Тёма громко икнул, перекрестил свои лоснящиеся губки, посмотрел на Алексеева взглядом затравленного зайца и наконец выдохнул:

– Ленка пропала!..

Опа! Вот этого Олег не ожидал. Никак. Прикидывал, конечно, зачем мог понадобиться Тёме, но решил, что тот ввязался в очередную авантюру, прокололся, как водится, вот и понадобилась ему помощь пусть и бывшего родственника, но человека, в журналистских кругах известного («Хрен ему», – сразу решил Олег). Того, о чём сообщил Тёма, он и предположить не мог...

Ленка приходилась Алексееву младшей сестрой. Несколько лет назад она, сильно удивив всех родственников и подруг (да, похоже, и себя), согласилась выйти замуж за Тёму, но вскоре вышибла Артишока (так Елена именovala дражайшего супруга в глаза и за глаза) за порог оставшейся ей от родителей квартиры (Олег давно уже жил своим домом).

Тёма, похоже, не очень-то и расстроился. Бабы от него воротили носы всю жизнь, но он обнаружил надёжный способ завоёвывать если не сердце избранницы, то всё остальное. Метод был предельно прост – Артишок приглашал приглянувшуюся ему даму на работу в свою «фирму» (с приличным окладом денежного содержания, естественно). Постепенно вокруг него сформировался одноэкстерьерный коллектив – девицы все были сходного возраста и одинаково блёклые (знакомый врач-венеролог как-то сказал Олегу, что они напоминают ему лобковых вшей). Умом Тёмины избранницы не блистали, да он и сам был не семи пядей во лбу. Порой в его «конторе» одновременно «трудилось» сразу несколько таких дам – как уж они умудрялись строить отношения и друг с другом, и с Тёмой, оставалось загадкой.

С Еленой созванивался бывший супруг хорошо, если пару раз в году, а тут вдруг... С чего бы это такие переживания? Что-то не так... Взять бы Тёму за шиворот и потряхнуть как следует, но услужливый мордovorот едва ли разрешит такое обращение со своим хозяином...

– Подробнее... – Алексеев взял себя в руки.

Тёма быстро отхлебнул коньяк и принялся вдохновенно закладывать бывшую жену.

Ленка в последнее время сильно увлеклась рафтингом¹ (это Олег и без него знал), связалась с компанией таких же чокнутых (с этим можно было согласиться), предостережений и советов не слушала (кто же будет слушать Тёму?) и то и дело уезжала на очередную речку,

¹ Рафтинг – спортивный сплав по горным рекам и искусственным гребным каналам на надувных судах.

«где ещё не ступала нога человека». Тёма страшно переживал (брешет, гад), его одолевали тяжёлые предчувствия (экстрасенс хренов), и вот они сбылись. Две недели назад Елена должна была вернуться из очередной вылазки в Восточную Сибирь, но до сих пор от неё ни слуху ни духу. Почему Тёма так долго молчал? Так ведь он только позавчера возвратился из длительной зарубежной командировки, где решал вопросы государственной важности. Ночью прилетел, утром позвонил Лене, потом взялся обзванивать её подруг и знакомых, и вот... А ведь он предупреждал, причём неоднократно, он...

– Куда она уехала? – прервал вошедшего в раж экс-мужа Олег.

– На Тью! Ты ведь ей сам об этой реке, пропади она пропадом, рассказывал. Конкретно, по сути...

– Тья? – недоверчиво протянул Алексеев. – Ты что плетёшь? Река спокойная, ни порогов, ни завалов. Что там могло произойти?

– Ну, не совсем на Тью, а на один из её притоков. Тушкан... Тушкун... Тушкеш...

Тушкеш! Это другое дело. Это серьёзно. Горный поток, свирепо ворочающийся в узком ущелье. И людей вокруг на сотню километров не найдёшь днём с огнём. Не дай бог, что случится...

– К спасателям обращался?

Какие там спасатели?! Тёма безнадёжно махнул рукой и опять потянулся к фужеру. Твердят, что группа, в которой ушла Ленка, нарушила какие-то правила, о чём-то не сообщила... В общем, им всё до лампочки. Он, Тёма, видит один способ – срочно вылететь на этот чёртов Тушкан и разобраться со всем на месте... Ночью уходит рейсовый самолёт. Потом до места их подбросят «вертушкой». За неё уже заплачено. Лодка, мотор к ней и прочие причиндалы тоже закуплены. Сам Тёма в этих местах не бывал, поэтому очень рассчитывает на Олега... Ну любит он Елену, любит! Да скрывал это, да пытался справиться со своим несчастьем так же, как пьяница топит горе в чарке. Но теперь-то, когда такая беда, нужно не старое вспоминать, а попытаться сделать, всё что можно и даже нельзя!.. Времени на то, чтобы утрясти свои дела, Олегу хватит? Вот и отлично! Тёма тоже кое-что порешает и заедет за ним...

Хлопнула входная дверь. Исчезли и Тёма, и его охранник, так и не произнёсший ни единого слова. Остался слабый аромат коньяка (Олег к своему фужеру не притронулся) и забивающий его липкий запах пота Тёмы. А ещё – острая тревога за непутёвую сестрицу и смутное ощущение, что крутит её бывший мужёк, явно не договаривает чего-то, хитрит...

2

Утро всё увереннее набирало силу: небо наливалось тёмно-розовым цветом, горы стремительно синели. Олег устроился на не потерявшем ещё ночного холода валуне и, прислушиваясь к ругани Тёмы с командиром вертолёта, смотрел на тёмный поток Тушкеша, уносящийся в глубь узкого и мрачного ущелья.

Угораздило же сестрицу забраться в эти Богом забытые места! Хотя... Не по Ельцовке² же им сплавляться...

Во время перелёта на трясушемся, как в лихорадке, «боинге» Алексеев выбил из Тёмы всё, что тот знал об очередной Ленкиной аванюре. Вот только оказалась эта информация на редкость бедной.

Компанию сестрице на этот раз составили супруги Востриковы. «Это хорошо, – подумал Олег, – Анка и Серёга – ребята нормальные. Правда, не без загибонов – попадёт под хвост шлея нового увлечения, не остановишь». – А увлекались Востриковы всем – от телепатии до

² Елец – рыба семейства карповых, раньше была очень многочисленной во многих сибирских реках (в том числе и малых). Отсюда и название. По территории Новосибирска, к примеру, протекает три Ельцовки.

инопланетян, которым, похоже, больше делать нечего, как инкогнито шляться по нашей планетке. Пару лет назад Алексеев угодил на заседание банды атлантологов, которыми руководил как раз Сергей Востриков, и запомнил вдруг застекленевшие глаза этих чудиков, которые рассказывали о гибели загадочного континента так, словно сами при этом событии присутствовали. А уж в общественном устройстве утопшего острова они разбирались явно лучше самих атлантов...

Обижать ребят Олегу не хотелось (пускай лучше этой безобидной дурью маются), и статью о «мероприятии» он написал сдержанно, избегая так и просившихся на бумагу ехидных выпадов и выводов. А потом в газету хлынул поток благодарственных откликов, авторы которых утверждали, что статья Алексеева расширила их кругозор, заставила по-иному взглянуть на окружающую обыденность, вызвала безумный интерес к истории и т.д. и т.п. Олег не знал, смеяться ему или плакать, но, поразмыслив, пришёл к выводу, что иного ожидать и не стоило – народ наш, с радостью отринув социалистическую идеологию и уверенность в скором построении коммунизма, срочно искал новых идолов, ибо свято место пусто не бывает. А что уж там заполняет образовавшийся вакуум – не важно...

Итак, Востриковы. Намечавшийся четвёртым участник похода в итоге «остался за бортом» – не то что-то сломал, не то кого-то родил, но от перспективы покорить Тушкем он отказался. Так компания и отправилась на вылазку по Восточной Сибири в усечённом составе.

Сплав Ленка сотоварищи начинали именно отсюда – другого подходящего места попросту нет. Молчаливый охранник Тёмы (тот называл его Витьком) обнаружил ещё одно доказательство того, что они находятся на верном пути – гурий, сложенный из небольших булыжников, внутри которого оказалась тщательно запечатанная банка, а в банке – записка. Из неё следовало, что здесь начинают покорение Тушкема мужественные первопроходцы («Первопроходимцы чёртовы!») Алексеева и Востриковы. Помимо записки в банке лежала и полароидная фотография. Ленка на ней стоит рядом с Анной – рот до ушей, непокорные пряди волос вздыблены ветром, на груди – любимая подвеска, некогда привезённая тогда ещё её мужем не то из Турции, не то из Египта. Тёма утверждал, что эта потускневшая бляха имеет огромную историческую ценность, что он заплатил за неё бешеные деньги последнему потомку впавшего в бедность древнейшего и благороднейшего рода, что... Олег, знавший о патологической жадности зятя, в эту байку не верил: купил небось, обормот, безделушку за сущие гроши у такого же жулика, как и он сам, а теперь пускает пыль в глаза. Зато Ленке висюлька понравилась, и она носила её «и в праздники, и в будни»... Так вот, фотографировались подруги на фоне странной полосатой скалы, и именно эту скалу Алексеев теперь созерцал воочию.

Узрев записку и снимок, явно воспрянувший духом Тёма предложил срочно загрузиться в вертолёт и пролететь по ущелью, зависая в подозрительных местах, дабы внимательно осмотреть берега клятого Тушкема. Выслушав эту идею, вертолётчик посмотрел на Артишока, словно на умалишённого, только что пальцем у виска не покрутил. Витёк тоже бросил на своего босса взгляд, в котором одобрение явно не просматривалось (вообще-то парень этот чем дальше, тем больше нравился Олегу – сдержан, от работы не отлынивает, если за что-то взялся, то сделает, что называется, на «ять»).

И вот уже добрых полчаса Тёма и вертолётчик выясняли отношения, причём, если летун пускай и нечасто, но вкраплял в свои реплики печатные слова (типа что он не самоубийца), то представитель народившегося бизнеса ухитрялся обходиться исключительно непечатными. Наконец Тёма яростно сплюнул и ухватился за здоровенный радиотелефон, которым явно гордился. Мата стало поменьше (хотя термин «бабки» то и дело изящно сплетался с известной матерью), зато зазвучали какие-то фантастические цифры в сочетании со словами «уплатил», «долг» и «вернёшь». Похоже, что спустя какое-то время договаривающиеся стороны пришли наконец к «консенсусу», Тёма удовлетворённо хрюкнул, бросил на вертолётчика ещё один злой взгляд и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил:

– Делать-то что будем?

– Так, по-моему, и вариантов нет, – спокойно отозвался Олег. – Нужно перелететь к устью Тушкема и там внимательно всё осмотреть. Если с ними, не дай бог, на этой стремнине что-то случилось, река всё равно что-нибудь да вынесет.

Секьюрити тратить слова не стал, но кивнул – верная, мол, мысль.

– Значит, пошевеливаемся! Конкретно, по сути. Время – это деньги! – скомандовал Тёма и потянул из внутреннего кармана куртки фляжку с коньяком, надо думать, чтобы смочить пересохшее за время ругани горло.

К фляжке этой он начал прикладываться ещё до того, как они разыскали на аэродроме зафрахтованный вертолёт, объявив при этом:

– Иначе наверняка укачает.

Почему Артишок пришёл к такому выводу, Олег не знал, ибо Тёма ещё в самолёте признался, что никогда в жизни на «вертушке» не летал. Сам Алексеев от предложения принять участие в возлиянии отказался, а Витьку благородный напиток Тёма и не предлагал.

Место для посадки обнаружилось только на противоположном от места впадения Тушкема берегу Тыи. Тёма опять что-то завякал, но пилот, которому он уже явно осточертел, заявив в очередной раз: «Я не самоубийца», – надменно сомкнул уста. Лишь на угрозу пожаловаться неведомому шефу спокойно пояснил, что ни радиотелефон, ни какая иная связь здесь не работают, так что...

Пришлось спускаться с обрыва, таща на себе весь груз. Как они не посворачивали себе шеи, а потом умудрились надуть лодку и закрепить на ней подвесной мотор, для Олега навсегда осталось загадкой. Но, по утверждению опытных людей, все трудности рано или поздно остаются позади, и они переправились-таки через достаточно спокойную и неширокую здесь Тыю. «Вертушка» осталась на обрыве в ожидании того, какую ракету отправят в небо убывшие: зелёную, значит, лети себе, голубь, лети, ну а если красную – жди, возвращаемся.

В нескольких сотнях метров от устья вспарывающего гладь Тыи Тушкема нашлась небольшая бухточка, в которой удалось приткнуть лодку, не опасаясь, что её унесёт течением. Вскарбкались на невысокий здесь берег и, ориентируясь на шум вырывающейся из горных тисков реки, отправились к очередной цели.

Поначалу пришлось прыгать с камня на камень, потом дорога стала полегче, и Тёма перестал ныть. Витёк продолжал за хозяином приглядывать – а ну как умудрится куда-нибудь сверзиться, Олег же ускорил шаги, словно несколько минут промедления могли что-то решить. Беспокойство за непутёвую сестрицу не отпускало, начала мерещиться всякая чертовщина: обломки катамарана, истерзанные о камни тела... Чтобы отогнать эти совсем ненужные сейчас мысли, Алексеев решительно помотал головой, но тревога не уходила, сердце билось всё быстрее, всё беспокойнее...

Если идёшь по незнакомой дороге, далеко не всегда идущий впереди первым оказывается на месте. Вот и Олег забрёл в места совсем уж непроходимые, а когда выбрался из каменного тупика, его спутники уже подходили к хорошо видимому потоку ярящегося, даже в устье, Тушкема. Пришлось поднажать.

– Осторожнее, босс! Пустите меня вперёд. – Голос Витьки прозвучал неожиданно, и Тёма испуганно дёрнулся.

– Что? Чего?

– Следы не затопчите, – спокойно пояснил секьюрити.

– А-а-а... – с облегчением протянул Артишок. – А то я уж бог знает, что подумал... Конкретно, по сути. Ну, давай, смотри, зоркий ты наш сокол. – И Тёма, с облегчением опустив зад на гладкий валун, вновь потянулся к заветной фляжке, которую старательно наполнил перед спуском с чёртового обрыва.

Олег огляделся. Ничегошеньки вокруг не было видно необычного. Беснующийся поток Тушкема, выглаженные водой скалы, камень под ногами, небо над головой – и только... Никаких следов кораблекрушения. Однако, Виктор, похоже, что-то сумел углядеть и теперь внимательно всматривался в неширокую полоску песка и гравия, приткнувшуюся к скальной стенке. Нагнулся, аккуратно отложил в сторону какой-то плоский камень, порылся под ним и наконец удовлетворённо заявил:

– Были они здесь. Все трое. Вот только когда именно, определить не берусь.

– Ты что же, взаправду следопыт? – спросил Олег.

– Куда там... – неожиданно сконфузился Виктор. – Так, приходилось...

– С чего ты это взял? – требовательно вклинился в разговор Тёма, оторвав задницу от валуна и подойдя поближе.

– Смотрите сами... – Охранник показал на вырытую им ямку. – Три упаковки от суточного пайка. Точно такие же, как у нас.

– Верно! – оживился Артишок. – Мы их у Макса брали, Еленка тоже. Я ещё насчёт скидки договорился. Конкретно, по сути...

– Сдается мне, что полопались они в горах, – продолжил Виктор, не слушая босса. – Тут подшаманились и поплыли дальше.

– А это как ты надумал? – удивился Тёма.

– Здесь деревце росло. – Виктор положил ладонь на невысокий пенёк. – Его срезали ножом. Совсем недавно. А в яме с упаковками щепки лежат. Явно от него. Так что...

– Ну и где их искать? – сварливо спросил Тёма. – Куда они поплыли? Конкретно, по сути?

– Надо думать, вниз по реке, – усмехнулся Олег.

– Почему?

– А ты попробуй на вёслах против течения пойти. Садись в лодку и – вперёд. А мы посмотрим, далеко ли сумеешь уплыть. Что уж говорить о сломанном катамаране...

– Но внизу-то Тыйск! – завопил Тёма. – А я туда дозвонился, всех нужных людей на уши поставил. Конкретно, по сути. Не приплывали они туда, не приплывали!

– Берега нужно будет внимательно осмотреть, – предложил Виктор. – Авось что-нибудь и подметим.

– Да уж... – удручённо согласился Олег. – Хотя ума не приложу, как можно больше двух недель плыть по течению и никому не попасть на глаза. Да ещё практически без продуктов...

– О, напомнил! – встрепенулся Тёма. – Пора бы уже и пожрать.

– На ходу перекусим. Время-то уже давно за полдень. А нам до темноты край нужно до Ахтимнеева добраться.

– Куда? – удивился Артишок.

– Деревушка такая. Километрах в сорока отсюда. Совсем маленькая, когда я сюда приезжал, всего-то дворов двадцать в ней было. Может, там что узнаем. Да и ночевать в тайге мне совсем не хочется.

– А телефон там есть? – осведомился Тёма.

– Ну а как же? А также фидонет³ и кабельное телевидение... Ты что, с Луны свалился? Запускай-ка, Виктор, зелёную ракету, пускай «вертушка» летит по своим делам.

– Лучше на ней доберёмся. Конкретно, по сути, – недовольно скривился бывший зять.

– Можно, – покладисто согласился Олег. – Только пока ты обратно на обрыв залезешь да с летуном сговоришься, мы уже в Ахтимнееве будем.

Поначалу Тья несла свои воды среди одинаково обрывистых берегов, потом они заметно отступили, левый остался таким же скалистым и неприветливым, зато правый мало-помалу

³ Фидонет – международная любительская компьютерная сеть, в бывшем СССР была популярна до конца 1990-х годов (до массового распространения интернет-технологий).

понижился, а там и вовсе перешёл в обширную болотину, поросшую редкими и чахлыми лиственницами. Через несколько километров среди болот стали промелькивать сухие участки, их становилось больше, потом они слились в поросшую жёсткой травой равнину, сразу за которой стояла тёмная и неприветливая стена тайги. И по-прежнему никаких следов присутствия человека...

Мощность лодочного мотора, похоже, Олег переоценил – темнеть начало задолго до того, как они добрались до жилых мест. Последние километры едва ползли, и Алексеев до боли в глазах всматривался в сливавшийся с чернотой берег – боялся, что проскочат они невеликую деревеньку.

– Там, что же, и света нет? – брюзгливо осведомился Тёма.

– Движок свой у них, – обронил Олег.

– Понятно... – со знанием дела констатировал Артишок. – Неперспективный населённый пункт. В такие ни один серьёзный бизнесмен бабки не вложит. Это при прежней дурной власти на них тратились, а у демократической России есть более важные дела! Конкретно, по сути.

– Заткнулся бы ты, а, – сквозь зубы посоветовал Олег. – Без тебя тошно...

Тёма неожиданно послушался. До горбачёвской «перестройки» был он ярким приверженцем социалистической идеи. После окончания десятого класса выклянчил направление в Москву, в Высшую комсомольскую школу. Был там факультет-четырёхлетка для рано созревших карьеристов, не имевших ни знаний, ни жизненного опыта, зато азартно проводивших комсомольские собрания, субботники и прочие политинформации. Что-то похожее на техникум для будущих деятелей на подхвате. Не исключено, что и там попадались нормальные и неглупые ребята, но Артишок к их числу явно не относился. Диплом он получил вместе с распределением в отдалённый райком, где и доверили Тёме чрезвычайно ответственную, но самую низкую по рангу должность инструктора. Если и был Артишок недоволен, то никак этого не показывал, наоборот, прославился редкостным рвением, а также тем, что назубок знал биографии всех членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Вот только требовались в сельском районе совсем другие знания, а в агрономии, зоотехнике, равно как и в механизации с экономикой, разбирался Тёма, как свинья в апельсинах. Так бы и засох, бедолага, на корню, но папаша сумел-таки после долгих попыток перетащить своё чадо в город, а потом и ветры над страной задули совсем иные. Новенький ещё партбилет Артишок публично порвал и бросил в костерок, разожжённый в урне, а там и вовсе сумел урвать какой-никакой куш в затеянном комсомольскими работниками последнего призыва дележе немалой собственности, накопленной поколениями добровольцев и энтузиастов. Вместе с удачно оприходованным обзавёлся Тёма новыми мыслями и убеждениями. Но Олег-то ещё помнил только начинающего подёргиваться жирком «выюношу», надсаживающегося на разнообразных партийно-комсомольских праздниках и только что не молившегося на портрет Карла Маркса... Сам Алексеев не переживал в годы, когда сие считалось модным, не собирался заниматься этим и впредь, считая, что у всякого приличного человека и без указаний и советов сверху есть принципы, которые, собственно, и дают ему право называться человеком...

– Кажись, огонёк мелькнул... – как всегда, неожиданно заговорил Виктор. – Точно! Опять...

– Где? – спросил Олег, но уже и сам увидел неяркое пятно света.

На чуть более светлом, чем берег, полотне реки прорисовалась чёрная полоска, и Алексеев указал на неё:

– Вот он, причал. А свет, наверное, в доме у Якова Антоновича горит.

– Это ещё кто? – брюзгливо спросил Тёма.

– Бакенщик здешний, давний мой знакомец.

– И кому, интересно, в этой глуши бакены нужны? Конкретно, по сути? – не унимался Артишок.

– Выше по Тые, за Тушкемом, раньше рудник строили, ну и посёлок при нём. Оборудование и грузы туда баржами возили. А где баржи, там и бакенщики, без них никак, – миролюбиво пояснил Олег.

Лодка тем временем мягко ткнулась в толстые плахи причала. Алексеев ловко выбрался из неё, накинул петлю носовой верёвки на специальный колышек.

– Кого это Бог прислал? – неожиданно прозвучало из темноты.

– Свои, Яков Антонович! – откликнулся, оборачиваясь на голос, Олег.

– Так свои вроде все дома... – Говоривший подошел поближе, взгляделся в Алексеева. – Ты, что ли, Иваныч? Вот уж неожиданность! Это какими ж судьбами?

– Беда у меня, дядь Яш... – тихо пояснил Олег.

– Вот даже как? Н-да... Ладно, приглашай своих друзей – и айда в избу – серьёзные вопросы на ходу не решают...

3

Дом у бакенщика был добротный, явно типовой, разработанный с учётом особенностей местного климата. Привезли его, поди, на барже да и собрали за несколько дней на месте, облюбованном хозяином, – так, чтобы из окон река хорошо просматривалась.

– Великоваты для меня одного хоромы, – усмехнулся бакенщик, когда они пересекли широкие сени. – Вещи вон в ту комнату проносите, в гостевую. Раньше в ней ихтиологи останавливались, только давненько это уже было, да, давненько... А сейчас на всё Ахтимнеево два жителя осталось: я да Зиновий. – И он кивнул в сторону сухонького старичка, устроившегося на стоявшем в углу старинном сундуке. – Помнишь, Олег Иванович, Зиновия?

– Как не помнить! – И Алексеев шагнул с протянутой рукой к старику, распутившему морщины в радостной улыбке. – Здравствуй, Зиновий. Как жизнь?

Смуглые широкие скулы старичка вновь дрогнули, раскосые глазки сощурились.

– Хоросо, спасибо, всё хоросо. – И он тут же пожаловался: – Табак совсем мал-мала остался...

– Ну, эта беда поправима. – Олег покопался в своём рюкзаке и протянул Зиновию несколько пачек «Примы».

– Ай, хоросо! Вот спасибо... – Старичок тут же вскрыл пачку, растребушил несколько сигарет и принялся набивать табаком длинную трубку.

– А куда остальные жители Ахтимнеева подевались? – поинтересовался Алексеев у бакенщика.

– Тут видишь, Иваныч, какое дело... Когда рудник начали строить, наши мужики, кто покрепче, туда перебрались: заработки там, понятно, побольше, то-сё... Ну а потом, когда всё в стране завертелось и стройку забросили, сюда никто уже не вернулся – одни в Тыйск подались, другие ещё подальше. Сынов моих тоже снохи сманили искать, где лучше. Ну а старики... Кто к детям переселился, а кто и на кладбище. Весной только Наталью схоронили, на сто четвёртом году убралась старушка. Ну а мы с Зиновием пока что скрипим да воздух коптим. Работы-то почитай и нет. Контора моя бакенная, правда, ещё не загнулась, но чую, ненадолго это. Ну да ладно... Садитесь-ка, гости дорогие, к столу, я сейчас быстренько соображу что-нибудь перекусить, да поговорим, Олег Иванович, о твоих бедах...

Зиновий тем временем разжёл свою трубку, с явным удовольствием затянулся и выпустил к потолку огромное облако дыма.

– Что это у него имя такое? – шёпотом спросил Тёма, но Яков Антонович его услышал и пояснил:

– А это его поп наградил. Вот только забыл батюшка, а может, и не знал, что местные букву «зэ» не выговаривают. Так вот и называют друга моего всю жизнь русские, как положено, а свои Синовием.

– Так, так, – удовлетворённо покивал головой старичок, а Тёма соорудил понимающее лицо и заявил:

– Ясно. Конкретно, по сути.

Выслушав рассказ Олега, бакенщик задумался, а потом отрицательно покачал головой:

– Нет, други мои, мимо нас уже с год никто из туристов не проплывал.

– Ночью-то вы спите... – заметил Алексеев.

– Так ночью никто и не плавает, – резонно заметил Яков Антонович. – Хотя... Вот как поступим. Я рано утречком проскочу вниз по реке. Там в этом году мужики в рыболовную артель сгужевались. Так они за своими сетями днём и ночью догляд имеют, мимо них никто незаметно не проплывёт.

– И мы с вами! – оживился Тёма. – Бензин я оплачу.

Бакенщик нахмурился, но заметил утвердительный кивок Олега и спорить не стал. Однако брать с собой гостей отказался категорически:

– Один я быстрее обернусь. А вы лучше отоспитесь, дорога-то, чай, неблизкая была... Ну а если и рыбаки ваших не приметили... Думка у меня одна появилась... Есть тут местечко на другом берегу – остров небольшой, за ним подъём на обрыв и в распадок. В темноте вы его наверняка и не разглядели. Вот туда мы и наведаемся.

– Шибко плохой места! – неожиданно заявил Зиновий. – Тьфу, какой плохой! Наш народ туда никогда не ходит.

– Почему? – удивился Олег.

– А вот слушай. – Зиновий вновь окутался клубами табачного дыма и лишь потом заговорил: – При царе было. Я ещё малой был, но помню. Купец приехал, говорил, в том месте много шкур добыть можно. Шибко много денег обещал. Дурной купец... Однако некоторые охотники согласились. Брат мой старший с ними был. Он только бабу в чум привёл, деньги нужны были. Купец сам тоже поехал, шкуры считать. По реке ушли, она тогда ещё не встала. Четыре день прошёл, я утром рано на берег вышел. Смотрю – брат по реке плывёт. Голову видна, плечи видна, больше ничего не видна. Мимо стойбища проплыл, лицо мёртвое ко мне повернул, наверно, крикнуть что-то хотел, да не смог... Я шибко испугался, в тайга убежал. На другой день в чум к отцу пришёл. Он людей собирал, искать охотников пошли. Лодки нашли, купец нет, охотник тоже нет... Совсем, однако, сгинули. Больше никто это место никогда не ходил. Наши его Долиной Смерти кличут...

Олег заметил лёгкую улыбку, скользнувшую по губам бакенщика, и вопросительно посмотрел на него.

– Слышал я эту историю, Иваныч, – пояснил Яков Антонович. – Да только дело в том, что сам в семидесятых годах в том распадке побывал. К нам геологи приезжали, изучали, какие в местных горах камни есть и руды. Ущелье узкое, чем дальше, тем теснее горы друг к другу прижимаются. Зверей нет, птиц – и тех не видно. Место и в самом деле плохое, люди там злобятся, ругаются чуть что. Мимо проплывать – и то неприятно, особенно при умирающей Луне. Ни с того, ни с сего тоска нападает смертная... Серьёзного ничего мы в той долине не нашли, побродили дней десять и вернулись. Однако вашим, похоже, больше забраться некуда – не в болота же они ушли, для этого нужно совсем больным на голову быть...

Олег молча пожал плечами. Да бакенщик, похоже, и не ждал ответа и закончил:

– Ну да ладно. Утро, как говорится, вечера мудренее. Давайте-ка спать...

– Помнится, тут и золотоискатели по округе шарились, – сказал Алексеев. – Может, они что-нибудь знают?

– Спыхватился, – хмыкнул Яков Антонович. – Давно уже эту братию попёрли. Откупил какой-то богатей всю территорию, пообещал промышленное производство золотишка наладить. Да только никак не соберётся... Однако мысль ты высказал верную: заверну-ка я и к охранникам, которые день-деньской баклуши бьют, но никого на старые прииски не допускают. Крюк невелик.

– А ведь в бригадах тех лихие ребята встречались, – припомнил Олег. – Неужто без споров послушались и ушли?

– Пошумели, конечно, – усмехнулся бакенщик. – А куда денешься? Плетью, как говорится, обуха не перешибёшь. Да и что сделать можно, если охрана вооружённая на тебя зверем глядит, а вся милиция на корню куплена?

– М-да... – не стал развивать тему Алексеев, а в памяти всплыло давно, казалось бы, забытое...

Произошла эта история в Тыйске, в небольшом стеклянном ресторанчике, располагавшемся в порту, неподалёку от причала. Командировка заканчивалась, вот и решил Олег посидеть последний вечер в обществе коллег. Культурно, так сказать, провести время.

Ресторан был полон, но компания, устроившаяся неподалеку от оркестра, невольно привлекала к себе внимание. Несколько мужиков, обряженных в потрёпанные одежды (и по тайге они в этих нарядах явно побродили, и у костра не раз ночевали), вели себя очень уж по-хозяйски. Нет, не орали, не пытались как-то выделиться, но на окружающих никакого внимания не обращали. Вообще. Словно, кроме, них никого в «стекляшке» не было.

Каждые несколько минут кто-нибудь из этой компании подходил к оркестру, что-то шептал, совал руководителю мятые купюры, ну а дальнейшее предсказывалось безошибочно. Дрожащим от волнения голосом музыканты провозглашали:

– По просьбе друзей для Сани, отъезжающего на материк, прозвучит песня «Шоколадная начинка»!

Золотоискатели осторожно поднимали неказистого мужичонку, тот безуспешно пытался свести глаза «в кучку», взмахивал рукой и вновь падал на стул, бережно укладывая физиономию между покрывающих столешницу тарелок с объедками.

«Почему на “материк”? – подумал тогда Алексеев. – Знаю, что на Таймыре принято так говорить, в Магадане, на Камчатке. Но здесь-то?»

Тем временем на посетителей опять и опять обрушивалась незатейливая мелодия – «вокально-инструментальный ансамбль» старался изо всех сил.

Местным, похоже, однообразное музыкальное оформление вечера уже осточертело. Сначала несколько парней, обряженных с претензией на моду, попытались поговорить с оркестрантами, но там их явно ожидал облом: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Тогда нелюбители «Шоколадной начинки» решили обратиться, так сказать, к первопричине...

Гул зала внезапно стих, все лица повернулись к здоровенному мужичине, который до этого спокойно восседал во главе стола приисковиков. Теперь он стоял и исподлобья оглядывал пытающихся «качать права» местных. Потом разинул мохнатую пасть и спросил:

– Саня, они говорят, что мы золотари. Это так?

«Отъезжающий на материк» поднял физиономию – на сей раз он, похоже, не рассчитал: правая щека была обильно измазана каким-то салатом. С трудом удерживая равновесие, Саня решительно мотнул головой:

– Нет, Гена! Мы ищем и добываем благороднейший из металлов, а золотари собирают и вывозят дерьмо. Мы таким не занимаемся...

– А-а!.. – Мелькнул в воздухе невероятных размеров кулак, лязгнули чьи-то зубы, отчаянно завизжала сильно раскрашенная девица, и началось...

Олег, честно говоря, растерялся: нечасто попадаешь в эпицентр эдакого побоища. Местные журналисты оказались к ситуации более подготовленными: быстренько уложили на стол

стулья, за которыми и укрылись всей компанией, – тарелки, бутылки и фужеры летели выше, не принося пищи братии особого ущерба.

Да и милиция не заставила себя ждать: прибыла с дивной оперативностью и в усиленном составе. Чувствовалось, что для служителей закона побоище в «стекляшке» – дело привычно-обыденное. Споры и умело извлекали они из сутолоки особо азартных и лихо заталкивали их в нетерпеливо пофыркивающие моторами «воронки». Крепко помятые противники «Шоколадной начинки», правда, пытались брыкаться, зато их противники покидали изувеченную «стекляшку» с видом ратников, завершивших тяжёлое побоище. Так и не проснувшегося Саню нежно несли сразу трое «коллег». На материк, надо думать.

– И часто у вас так? – спросил Олег, когда всё завершилось.

– Если золотоискатели зайдут, то обязательно, – любезно пояснили хозяева, а после небольшой паузы уточнили: – А приходят они каждый день.

М-да... Вряд ли жители Тыйска сильно расстроились из-за того, что неведомый хапуга откупил всю золотоносную территорию...

Зато Тёму новая для него информация весьма заинтересовала.

– Золотишко, говорите... – заговорил он, выпатив нижнюю губу. – Не знал... Надо бы всё поподробнее разузнать. Это дело может оказаться перспективным...

– Не в этот раз, – осадил экс-родственника Алексеев.

Артишок вскинулся было, но неожиданно пошёл на попятную:

– Так я ж ничего... – пожал он плечами. – Конечно... Мы ж не за этим сюда приехали. Конкретно, по сути...

Выбрав момент, когда рядом никого не оказалось, Яков Антонович недовольно сказал Алексееву, понизив голос чуть ли не до шёпота:

– Не дело ты, Иваныч, мне посоветовал. У нас брать с людей деньги за помощь отродясь принято не было. Зря я с тобой согласился...

– Так то с людей... – криво усмехнулся Олег. – А Тёму человеком называть у меня язык не поворачивается. Он из этих... новых. С таких хоть шерсти клок, как в народе говорят. Не переживай, дядь Яша, он себе ещё наворует.

– Всё равно – не дело... – покачал головой бакенщик.

– Возьми лучше побольше горючки для лодки. Подозреваю, что она нам понадобится...

– И то верно, – вздохнул Яков Антонович. – Ладно, давай покурим да на боковую.

– Иди, – согласился Олег. – Я догоню, сигареты только возьму.

– У меня есть.

– Я к своим привык, не люблю сорта мешать...

Зиновий уже ушёл, Виктор тоже вышел из дома, а Тёма, не раздеваясь, завалился на кровать и посасывал из своей любимой фляжки. На стол, окинув оценивающим взглядом компанию, он выставить её не стал, зато теперь наслаждался в одиночестве.

– Нелёгкий денёк сегодня выдался, – заявил он, заметив Олега. – Конкретно, по сути. Хорошо, что я всё заранее продумал и подготовил.

– Вот только результата нет, – махнул рукой Алексеев. – Хотя... Что могли, то сделали.

– А я о чём? – самодовольно ухмыльнулся Артишок и неожиданно сменил тему разговора: – Как тебе мой Витёк?

– Нормальный парень.

– Он за меня кого хошь порвёт, – похвастался Тёма. – Предан конкретно, по сути, как пёс...

Он тщательно упрятал флягу в стоявшую возле кровати сумку, откинулся на подушку и почти сразу же захрапел – тоненько, с какими-то бабыми переливами.

Олег выключил свет, вернулся в комнату, где они ужинали, присел к столу. Что же всё-таки могло случиться с Ленкой и Востриковыми? Куда их занесла нелёгкая? Больше половины

месяца прошло, вряд ли у них есть такой запас продуктов. Сергей, конечно, в тайге не новичок, какую-никакую еду раздобыть сумеет, но всё равно... Разве что очередная шлея под хвост попала, а планами своими «первопроходцы» ни с кем делиться не захотели? Но всё равно плохо это. Очень плохо...

Две фигуры темнели на берегу сердито бормочущей что-то Тыи, и Олег не спеша направился к ним. В ночном воздухе негромкие голоса собеседников были хорошо слышны. Говорил Виктор:

– У ребят позиции внизу были. Я повыше, в пещерке маленькой. А командир наш, лейтенант, ещё выше, он должен был нас с фланга прикрывать. Оттуда духи и попёрли. Ну никак они в мой сектор обстрела не попадали! А лейтенант молчит... Потом уж сообразил я, что он дёру дал... Пытаюсь прикрыть ребят, да где там... Духи с ними разобрались, а потом и за меня взялись по-серьёзному. Гранат нет, патроны кончились...

– А дальше, Вита, что было? – участливо спросил Яков Антонович.

– Дальше? Плен... Ну, об этом и вспоминать не хочется... Когда домой вернулся, рапорт написал, а в нём всю правду о том бое...

– И что?

– Ничего. Лейтенант давным-давно всё уже по-своему представил.

– Так и сошла ему эта подлость с рук?

– Он сейчас в министерстве служит, наградами за храбрость звенит... Ну а меня из армии выперли. Ни семьи, ни близких, ни профессии. Только и умею, что стрелять, да кулаком челюсти дробить. А жить на что-то нужно. Пришлось податься в секьюрити...

– Начальник у тебя какой-то... мутный.

– Хозяин... – В голосе Виктора прозвучала неприкрытая насмешка, но он тут же добавил: – Так-то он не из самых плохих... Чудаковатый немного: всё боится, что на него покушение устроят. Даже в сортир один не ходит.

– Во дела! И на кой ляд, скажи мне на милость, человеку такая жизнь?

– Ему виднее...

В такой разговор лучше не вмешиваться: кто ни подойдёт, всё равно окажется лишним. И Олег осторожно направился обратно к дому.

4

Проснулся Алексеев неожиданно рано – свежий воздух, что ли, разбудил? Тёма мерно похракивал в своём углу, больше в доме никого не оказалась. Ну, с Яковом Антоновичем-то всё ясно – как и обещал, помчался к рыбакам. А куда верный секьюрити подевался? Несерьёзно как-то он к делу стал относиться. Вдруг именно сейчас вывалится из леса разъярённый медведь и совершит покушение на его босса?

Олег вышел на улицу. Солнце только что взошло и ещё не разогнало лёгкий туман, стелившийся над Тыей. Подумалось: «А хорошо, что здесь почему-то нет комаров. Где-нибудь на Средней Оби, к примеру, уже сожрали бы заживо. Там без накомарника нос из дому не высунешь, даже рыбаки стараются держаться стрежня реки – пара метров влево, пара вправо, и на тебя наваливаются орды голодных кровососов, а до середины они не долетают, кишка тонка...»

Из ближайшей купы прибрежных кустов показался Виктор. В одной руке он держал бамбуковое удилище, в другой – кукан, на котором болтались несколько приличных рыб. Широко улыбнулся, заговорил ещё издали:

– Ох и рыбалка здесь! Мне вчера Яков Антонович кое-какие секреты рассказал, ну я и не выдержал, соблазнился. С детства это дело люблю! Только у нас о таком и мечтать не приходится.

– Что ж ты меня не поднял? – попенял Алексеев.

– Пожалел... Никак не могу понять, кого ж это я выудил?

Олег потянул одну из рыбин за высокий спинной плавник, полюбовался на украшавшие его фиолетовые и бирюзовые полосы, погладил плотную, усыпанную чёрными пятнышками чешую. Определил:

– Это хариусы. Царская рыба, если её хорошо приготовить.

– Ну, это-то я сумею, – пообещал Виктор. – Такой обед сварганю, что пальчики оближите!

Яков Антонович вернулся к полудню. Ещё не причалив лодку, отрицательно покачал головой, а выбравшись на берег пояснил:

– Никто не проплывал. Я и с бригадиром поговорил, и с каждым из мужиков – божатся, что давным-давно никаких незнакомцев не видели. К охранникам на прииск тоже заглянул... Так что давайте-ка, ребята, быстренько обедать, собираться и – в путь-дорогу.

– Долина Смерти, однако, пойдёте? – спросил Зиновий.

– Туда.

– Не нада туда ходить, Яков. Совсем не нада...

– Ничего. Бог, как говорится, не выдаст, свинья не съест. Смотри, Зиновий, ты один на хозяйстве остаёшься. А мы через несколько дней вернёмся.

Мощный мотор вместительной лодки бакенщика легко преодолевал сопротивление течения Тыи. Шли вдоль низинного берега, и Яков Антонович рассказывал о болотах, мимо которых Олег со спутниками проплывали накануне.

– Гиблые места. Ни зверю, ни человеку туда хода нет. Несколько лет назад сам видел, как медведь с лосем в трясину забрались. Ну, сохатый-то туда от безысходности метнулся, а косолапый азарт и жадность подвели. Оба сгинули.

– Да, история... – глубокомысленно изрёк Тёма. – Конкретно, по сути!

Он, похоже, так и не выспался, физиономию имел помятую и то и дело зевал, широко раскрывая пасть.

– Зимой эта болотина не замерзает, – продолжал тем временем бакенщик. – Так местные верят, что туда на время холодов все злые духи перебираются.

– Вроде как на зимние квартиры? – улыбнулся Олег.

– Примерно. А летом вся эта нечисть якобы живёт в том распадке, куда мы сейчас направляемся. Поэтому его Ущельем Злых Духов и называют.

– Зиновий вроде о Долине Смерти говорил?

– И так кличут.

– Неприятно как-то... Конкретно, по сути, – разлепил губы Артишок.

– По Сибири таких мест десятки, – откликнулся Алексеев. – Я на севере Байкала в одном побывал. Долина длинная, извилистая, с обеих сторон скалы, так что и не выбраться. На человека в тех местах слабость нападает. Геологи говорили, что это из-за тяжёлых металлов. Мало их там, но в воздух попадают и на организм действует. А заканчивается этот распадок тупиком. Если охотники по ошибке в эту долину попадут и поздно спохватятся, то могут и не выбраться обратно – продуктов-то они с собой много не берут, на добычу рассчитывают.

– Во-во, – поддакнул бакенщик. – Ошибки, они, бывает, дорого обходятся...

– А как место, куда мы идём, официально называется? – поинтересовался Виктор.

– Никак. Дальше в горы таких распадков столько, что и имён для них не напридумываешь. Дикие места, безлюдные, никто туда не забредает.

– Почему?

– А делать там нечего... Держитесь-ка, ребята!

Лодка описала плавный полукруг, устремляясь к противоположному берегу и пошла по течению. Стал виден небольшой остров, отделённый от берега узкой протокой.

– Здесь раньше мысок был, – пояснил Яков Антонович, – а годов пять назад, по весне, Тыя себе путь пробила. Ещё несколько сильных подъёмов, и размочит всё.

Лодка сбавила ход, потом шум мотора стих, и через пару минут они подошли к невысокой отмели. На ней, лежал присыпанный песком катамаран, его резиновые гондолы заметно сдулись и осели...

* * *

Древний, изгрызенный древоточцами и временем крест, криво стоявший над размытым дождями бугорком земли, дрогнул. Качнулся раз, другой... Ещё, уже сильнее... Наконец завалился набок, от удара о землю распался на куски, и те начали медленно рассыпаться в труху... Но через несколько мгновений эти обломки потянулись друг к другу – так сбегаются к одному месту, к обречённой жертве, муравьи-убийцы... Куски дерева прижимались один к другому, слипались с неприятным натужным скрипом. И вот уже крест лежит возле могилы – такой же, изжёванный древоточцами и временем, но целёхонький...

Призрачный свет Луны тем временем упал на окрестности, и стало видно, как шевелится земля на могильном холмике. Она раздавалась, открывала путь кому-то, кто жадно стремился выбраться наружу из подземной тьмы. Вот появились на поверхности почерневшие костяшки рук, вот уже осматривает окружающее пустыми глазницами череп, а вот и весь скелет выбрался из могилы и застыл, овеваемый слабым ночным ветерком...

Кости начали обрастать плотью, она словно выталкивала из себя дождём опадающих на землю могильных червей, которые недовольно извивались, стараясь укрыться от мертвенного света ночного светила под опавшими листьями и камнями. А покрывающая костяк плоть становилась всё зримее, но это не были мышцы живого человека, скорее мертвец превращался в иссушенную беспощадным временем мумию. Сквозь кожу, покрывшую череп, проросли сивые патлы длинных свалявшихся волос, в пустых глазницах что-то появилось, и вдруг разом распахнулись веки.

Пустой взгляд лениво, ни на чём не останавливаясь, прошёлся по округе и вдруг увидел жертву. Рывком поднялись висевшие, как плети, руки, к замершему от ужаса человеку потянулись скрюченные пальцы, заканчивающиеся длинными чёрными ногтями. Они всё ближе, ещё, ещё... Горло уже явственно ощущает их холод – холод могилы...

Глава вторая

1

Та-ак... Нашли, называется... Катамаран налицо, но где Ленка, где Востриковы? Ясно, что поднялись в распадок, иной дороги с этой отмели нет. Но зачем?

И сразу же эту мысль озвучил Тёма:

– Ну, вот чего их туда конкретно, по сути, понесло?

– Это-то как раз понятно. – Яков Антонович указал на самодельную неуклюжую поперечину. Тонкий ствол дерева, который использовали для этой цели потерпевшие крушение на Тушкеме, был надломлен. – Далеко на этой технике не уплывёшь, в любой момент развалится. А вот почему они там застряли – вопрос. Большой вопрос... Однако будем в распадок подниматься.

Он надёжно закрепил лодку, трое навьючили на себя рюкзаки, заранее подготовленные и упакованные бакенщиком, Артишок перебросил через плечо модную сумку, в которой то и дело что-то позвякивало. Надо думать, не решился доверить другим свой личный «боезапас», без коего поход в тайгу не представлял...

Тонкий белесый песок тёк под ногами, норовил перехлестнуть через верх плотно зашнурованных ботинок. Якову Антоновичу легче – на нём сапоги, но и они тонут в песчаном болоте чуть ли не по обрез голенищ.

Тяжёлый рюкзак тянет назад, при резких наклонах наползает на голову...

Хорошо ещё, что подъем невысок, берег и здесь понизился, да и крутизны, вроде той, с которой они скатывались, выгрузившись из вертолётки, нет... Над головой нависают глыбы, скреплённые сетью засохших корней. Но за эти мёртвые останки невидимых пока деревьев лучше не хвататься – мало того, что они хрупкие и ненадёжные, так ещё и, не дай бог, обрушишь на себя весь край обрыва...

Был случай – сидел как-то Олег с приятелем на берегу быстрой речки, под таким же вот обрывчиком, рыбу удил, и вдруг совсем рядом ухнули в воду несколько тонн земли вместе с неосторожно забредшей на опасное место коровой. Всё обошлось – выплыла рогатая, да и им повезло – а ну как потянулась бы тогда коровёнка к лакомой травке, росшей в аккурат у них над головами?..

Но вот и край обрыва приблизился. Виктор на него уже взобрался, протянул руку сначала бакенщику, потом и Олегу помог. Крепкая у парня рука, надёжная. Но Тёма за неё только с третьего раза сумел ухватиться, выскальзывала мокрая от пота ладошка. Всё, поднялись наконец-то...

Олег осмотрелся. Они стояли в устье узкого, уводящего в горы распадка. С обеих сторон вздымаются немалой высоты скалистые стенки, между ними вьётся ущелье, поросшее лиственницей, сквозь частокол почерневших стволов которой изредка проблескивают чахлые берёзки. Под ногами жёсткая трава, над ней торчит какой-то колючий кустарник – на кривых ветвях загнутые крючья, готовые вцепиться и в тело, и в одежду. Над скалами, вдали, поднимаются угрюмые, испещрённые следами камнепадов горы. В общем, весёленькое местечко, глаза б на него не смотрели...

Виктор уже переобулся – тщательно выбил из ботинок попавший туда песок, протряс носки, потом и обувкой вконец обессилевшего «босса» занялся. Правильно, жёсткие песчинки раздерут кожу, словно наждак, а со сбитыми ногами далеко не уйдёшь. Яков Антонович тщательно изучает окрестности. Посмотрел на спутников – готовы? Что ж, пора вставать...

Бакенщик вёл их ближе к правому краю ущелья, пояснив:

– Другой дороги здесь покуда нет. Подальше горы сначала помалёху разойдутся, там посмотрим.

Странно, если приглядеться, становится видно, что под ногами вьётся что-то, отдалённо напоминающее тропку. Кто по ней ходит? Зверей здесь, как говорил Яков Антонович, нет, люди тоже давным-давно в Долину Смерти не забредали. Однако же вот...

А ведь стены ущелья друг от друга отличаются. Они идут вдоль мощных гранитных скал. Или базальтовых? Кто их разберёт... Противоположный склон более покатый, почти сплошь покрыт серыми лишаями осыпей. Один плоский камень наползает на другой, какой из них лежит прочно, а какой держится на честном слове – не угадать. Неудачно поставишь ногу, и вся эта каменная лавина сдвинется с места, устремится на дно ущелья, неся с собой громадные валуны. Не дай бог попасть в такую ситуацию. Но следов свежих оползней не видеть, давненько здесь не срывались камнепады...

Похоже, бакенщик что-то заметил? Точно, к скале прислонена тщательно обструганная жердь – явно заготовка для поперечины катамарана. Немало, судя по всему, времени затратил Серёга на её изготовление: топор ребята наверняка утопили в Тушкеме, пришлось Вострикову орудовать ножом. Причём не самым лучшим ножом, как заявил, осмотрев жердину, Виктор.

Почему же Ленка сотоварищи не вернулись к реке, зачем они полезли дальше в ущелье? «Конкретно, по сути?» – как сформулировал в привычной своей манере Артишок. На этот вопрос ответа не было, зато невидимые для Олега следы явно вели дальше в распадок: Виктор и бакенщик это заявили уверенно. Выбора не оставалось – пошли дальше.

Вскоре наткнулись на русло пересохшего ручья, пришлось перебираться через него, прыгая с валуна на валун. Похоже, в период таяния горных снегов поток здесь промчался мощный, он натащил с гор немало камней, набросал как попало. Соскользнёт нога с покатой глыбы, и костей не соберёшь... Повезло, прошли почти без потерь, только Тёма зашиб коленку и долго ныл, намекая на то, что у него, как минимум, вывих. Потом сообразил, что из паршивого этого места выбираться всё равно нужно, и заткнулся.

И опять тянулась невесть куда всё та же почти забитая травой тропинка, опять медленно уходили за спину горы...

– Однако идём правильно, – неожиданно заявил Яков Антонович. – Здесь мы с геологами проходили. Вон ту каменную тигру я помню.

Тигр, не тигр, но отдельно стоявшая скала и в самом деле напоминала огромную кошку, готовую к смертельному броску: нависла над тропой, выбрала момент и вот-вот кинется на проглядевшего её растяпу...

Стены ущелья постепенно раздвигались, скалы справа, правда, ничуть не изменились, зато осыпи слева сошли на нет, исчезли, теперь этот склон был почти сплошь покрыт плотным слоем противного жёлто-зелёного цвета лишайников – словно запущенные гноящиеся раны разъедают камень...

Яков Антонович с Виктором шли впереди, внимательно всматривались в землю, иногда о чём-то негромко переговаривались. Олег старался не отставать от них, но ощущал, что ноги его уже налились усталостью, и чем дальше, тем больше она сковывала движения. Тёма плелся позади всех, дыхание с хрипом вырывалось из его груди, глаза слезились. Поначалу он то и дело прикладывался к пластиковой бутылке с минеральной водой, явно не веря словам бакенщика, что чем больше на ходу пьёшь, тем более мучает жажда. В конце концов Яков Антонович «виши»⁴ у него отобрал, и теперь Артишок только облизывал пересохшие губы, – на то, что не стоит потреть в такой ситуации коньяк, ума у него, по-видимому, хватало.

Олег оглянулся на Тёму. Весь взмок от пота, бормочет себе под нос что-то, судя по выражению лица, злое, но настырно передвигает ноги. Почему он пошёл вместе со всеми? Предла-

⁴ Виши – вода с природными ароматическими и вкусовыми добавками.

гали ведь дожидаться в доме у бакенщика, нет, отказался. И зачем он вообще оторвался от насиженного кресла и привычно-покорных баб? Любит Елену? Три раза «ха-ха». Никого Тёма никогда не любил, он на это просто не способен. Разве что себя, драгоценного, да и то лишь как объект ублажения собственной пухнувшей плоти и удовлетворения её желаний. Для того и политическую карьеру пытался сделать, поэтому и в «бизнес» нырнул с головой, как сантехник в канализационный люк...

Несколько лет назад, когда в «бизнесмены» рванули все, кто и термина этого никогда не слышал, стоял Олег у входа в киносмотровой зальчик – их тогда расплодилось больше, чем тараканов на кухне у непутёвой хозяйки. Внутрь заходить не собирался, знал уже, что увидит и услышит – тесную, пропахшую потом и вожделением комнатку, рябящий телевизор и гундосый голос переводчика, доносящего суть происходящего на экране до жадно вкушающих ранее запретный плод. Короче, стоял Алексеев, покуривал и бездумно разглядывал написанную кривыми буквами афишку:

Кровавый кулак

В главной роли непревзойдённый Брюс Ли!

Не шёл в тот день у Олега материал, хоть плачь – текст получался сухим, фальшивым. В таких случаях лучше всего на всё плюнуть и заняться чем угодно, только не относящимся к работе. Например, прогуляться и углубиться в изучение такой вот афиши.

Кто-то громко засопел рядом, Олег немного подвинулся и скосил глаза. Так, всё понятно – типичный образчик новой нарождающейся элиты. Зародыш, из которого, если верить трепачам-политикам, всенепременнейше вырастет что-нибудь яркое и вдумчивое. Лоб, правда, подкачал – всего-то пальца полтора в высоту, зато об затылок можно поросят бить. На шее – золотая цепь, поросшие коротким волосом пальцы сплошь окольцованы. Размороженный Пьер Скрипкин⁵...

– Слышь, мужик, – разверз уста представитель «новой России», – не знаешь, про что кино?

– Про Павлика Морозова, – мрачно буркнул Алексеев.

– Ну? – искренне удивился потенциальный зритель. – А чё там Брюс делает?

– Так он Павлика и играет, – пояснил Олег. – На него кулаки нападают.

– Крутое мочиловое, наверно, получилось... – с пониманием отреагировал незнакомец. – Ну, спасибо, братан! Щас бабу свою с шопинга заберу, вместе с ней поглядим.

Алексеев смотрел ему вслед и гадал: откуда этикие повыползли, да ещё в таком количестве? Придумать ответ на этот вопрос так и не успел – из-за угла вывернул Тёма. В малиновом пиджаке, который носил с большей гордостью, чем учёный академическую мантию. Был он не один, а с «компаньоном», которого называл не то Жоржем, не то Доджем («Это у него погоняло такое», – пояснил Артишок).

Завидев Олега, он обрадовался так, словно нежданно-негаданно повстречал давным-давно потерянного брата.

– О! Кого я вижу?! – широко раскинув руки, радостно возопил будущий родственник (Алексеев об этом, естественно, даже ещё и не подозревал). – А мы в кабак идём... – ответа не дождался и предложил: – Айда с нами!

– Я за сигаретами вышел, денег не взял, – честно предупредил Олег, ловко уклоняясь от липких объятий Тёмы.

– Не важно, – барственно объявил тот и, привстав на цыпочки, дружески хлопнул Алексева по плечу. – Я угощаю!

⁵ Герой пьесы В. Маяковского «Клоп».

В кабак так в кабак, всё равно работа не идёт. Да и на перестроившегося комсомольского жожака Тёму поглядеть любопытно...

После рюмки вонявшего нефтью «коньяка» (водка, впрочем, имела в этом да и в других ресторанах такой же «аромат» и привкус), Олег спросил:

– Что отмечаете?

– Дело удачное провернули, – важно отозвался Тёма. – Деньгу зашибли, хватит, чтобы хорошо вечер провести.

– А потом?

Тёмин «компаньон» поднял на Алексева удивлённые глаза, подивился, видимо, недоразвитости и тупости нового знакомого и сказал:

– На завтра тоже дела есть. Опять сможем нормально выпить и пожрать.

– А потом?

– А что ещё нужно? – не понял Жорж-Додж, но потом всё же снизошёл до пояснения: – Я светлое будущее больше строить не собираюсь. Хватит! Жить нужно моментом. Постоянно. Тогда будет о чём вспомнить в старости.

И Олегу вдруг стало невыносимо скучно. Он смотрел на жадно отдающихся «веселью» Тёму с приятелем, а перед глазами вставала свинья, довольно хрюкающая под инфракрасной лампой. Она тоже удовлетворила свои ежеминутные потребности, проще говоря, нажралась от пуза и теперь ждала, когда организм избавится от съеденного и можно будет снова жрать...

Нет, из-за любви Тема и пальцем не шевельнёт. Да и не знает он, что это такое. Страсть, вождение, удовлетворение ещё одной естественной потребности, пожалуй. Но не любовь...

Что же этот гад задумал? Олег пару раз пытался прижать его к стенке, не признаётся. Глазки честные, аж слеза на них наворачивается. Только что не крестится...

Яков Антонович и Виктор, по-прежнему шедшие первыми, неожиданно остановились, и углубившийся в свои мысли Алексеев едва не уткнулся им в спины. Впрочем, причина остановки стала ясна сразу, без пояснений.

Гарь. Когда-то огонь прошёл широкой полосой поперёк распадка, но вверх и вниз по ущелью почему-то не распространился. Он опалил и повалил деревья, закалил до почти стальной крепости острые сучья. Хо́да вперёд нет...

– Судя по всему, года три назад горело, – пояснил бакенщик. – Странно... Я тогда частенько мимо проплывал, но дыма от пожарища не заметил...

– Это что же, они туда забрались? – со страхом спросил подошедший Тёма.

– Следы так указывают, – пояснил Яков Антонович. – Согласен, Витя?

Переквалифицировавшийся в следопыта секьюрити молча кивнул.

– Вот только как они пробирались, не могу понять... – продолжал бакенщик. – Ладно, берёмся-ка, ребята, за топоры, без них мы точно не пройдем.

Часа три пробивались они через эту проклятую гарь – порвали одежду, измазались в саже и вымотались до полного предела. Тёма, едва выбрался на чистое место, сразу же рухнул, Олег выглядел немногим лучше экс-родственника, да и Виктор явно сдал. Даже Яков Антонович, привыкший к трудным переходам по тайге, заметно устал. Было ясно, что двигаться дальше без роздыха невозможно. Да и неясно было куда идти, – следы Востриковых и Ленки они давно потеряли.

Немного отдышавшись, бакенщик разложил на траве прихваченную из дома снедь. Аппетита ни у кого не было, но поесть пришлось – нужно же восстановить силы. Тщательно пережёвывая кусок мяса, Яков Антонович сказал:

– Ты, Иваныч, оставайся здесь. Вместе с Артемием. Отдыхайте. А нам с тобой, Витя, придётся следы поискать. Я направо подамся, а ты ту сторону осмотри...

Вскоре они ушли.

Олег лежал на траве, бездумно рассматривал кривую лиственницу, цеплявшуюся за скалу, и чувствовал усталость, волнами накатывающуюся на измученное тело. Да, засиделся за столом, давно не был в настоящих переходах, вот и раскис. Ничего, главное, сегодня продержаться и завтрашний день выдержать, потом станет полегче, организм втянется в работу...

– Кто, интересно, тут пожар устроил? – спросил Тёма, после чего добавил своё извечное: – Конкретно, по сути?

– Молния, скорее всего, – откликнулся Алексеев.

– А вдруг тут крутые бандюганы прячутся? – В голосе Артишока послышался страх.

– Ага. Едят кору с деревьев и ждут, когда придёт придурок пожирнее. Не смейся.

– Пожалуй... – поразмыслив, заявил Тёма. – Сюда только такие чудики, как мы, забрести могут. Или сестрица твоя придурошная.

– Заткнись, – вяло посоветовал Олег.

– Да я что?.. – засуетился Артишок. – Я ничего... Это я конкретно, по сути, в хорошем смысле, а не чтобы обидеть...

– Вот и молчи... – Алексеев смежил веки.

Но, видно, держать рот на замке было Артишоку неважно. Он побряхтел, поворочался, тайком побулькал фляжкой и вдруг заявил:

– Ты только посмотри на эту гадость... Конкретно, по сути!

Олег открыл глаза. Со скальной стенки в ущелье сползало тяжёлое облако. Оно опускалось всё ниже, казалось, что вот-вот сырая мгла заполнит собой весь распадок, но внезапно облако замерло и медленно поползло в сторону Тыи, цепляясь за вершины деревьев.

– Обычная в этих местах картина, – пояснил Алексеев. – Вот если дождь нанесёт, будет паршиво.

Тёма молчал, заворуженно разглядывая мрачные серые клочья, плывущие у них над головами...

Вернувшийся минут через сорок Яков Антонович тяжело опустился на небольшой валун и сказал:

– Отыскал я тропинку. Только похоже, что никто по ней давненько уже не проходил. Непонятно... Может, Вите больше повезёт.

Но и секьюрити вернулся с пустыми руками.

– Нет следов. – Он виновато посмотрел на бакенщика. – Да там вообще не пройти. Каменюга на каменюге...

– Ладно. – Яков Антонович закинул на спину рюкзак. – Пора, ребятки. А то солнце уже к закату клонится. Если ничего не найдём, подберём местечко получше, там и заночуем. А вы смотрите вокруг повнимательнее...

Хорошо ещё, что после гари дорога стала полегче. Камни исчезли, землю покрывал толстый ковёр мха – ноги тонули в нём по щиколотку. Да и усталость отступила вместе с неприятным чувством тревоги, одолевавшим Олега с момента, когда они углубились в ущелье. Пошли веселее.

К тому времени, когда в быстро сереющее небо выкатилась молодая Луна, впереди показался прогал – скалы расступались, показывая полосу вечернего неба. Еще несколько десятков шагов, и они неожиданно очутились на обрыве.

Очень знакомом обрыве...

Внизу привольно несла свои воды Тыя, лёгкие волны постукивали в борта лодки бакенщика, на песчаной отмели по-прежнему лежал полусдувшийся катамаран...

2

Яков Антонович долго озадаченно покачивал головой и чесал в затылке. Потом признался:

– В жизни, ребята, со мной такого конфуза не случалось... Поневоле в лешего поверишь, который путников по чащобе кружит. Но здесь-то и чащи нет, распадок, язвы его. Да и бывал я уже в этих местах, давненько, правда, но ведь бывал же. Ничего не понимаю...

– Может, камнепад за эти годы ущелье завалил? – осторожно предположил Олег.

– Какой там камнепад... – расстроено махнул рукой бакенщик. – Мы ж всё время правой стенки держались, вдоль скал шли, а они тут, поди, больше мильёна лет стоят. А сестра твоя с друзьями куда подевались, ежели всю эту долинку можно за половину дня вокруг обойти?

Он немного помолчал, потом с ожесточением закончил:

– Я так думаю, что есть смысл здесь, на обрыве, заночевать, а то, если в Ахтимнеево подадимся, много времени потеряем зря.

– Само собой, – авторитетно заметил Тёма. – Нужно пораньше встать и идти быстрее. Дорога уже знакомая, и ход через гарь мы, конкретно, по сути, прорубили...

«Мы пахали», – усмехнулся про себя Алексеев. Тёма топора так и не взял в руки ни разу, плёлся последним, и Виктору несколько раз приходилось то отцеплять «босса» от обуглившихся сучьев, то перетаскивать его через рухнувшие после пожарища стволы деревьев.

– Я отабориваться начну, – предложил Яков Антонович. – Иваныч с Артемием мне подсобят, а ты, Витя, поищи вон в той стороне родничок, он где-то неподалёку должен быть. Воды у нас немного, так что запас не помешает.

– Видел я тот родник, – откликнулся Виктор. – Из скалы вытекает и почти сразу же ныряет под камни.

– Вот-вот, о нём я и говорю. Вода там хорошая. А мы, ребятки, давайте поторопимся, а то скоро совсем темно будет.

Вскоре они уже отдыхали возле небольшого, но жаркого костерка. Бакенщик, сильно расстроенный «конфузом», который относил только на свой счёт («Что взять с городских людей, с тайгой не знакомых?»), поначалу отмалчивался, остальные тоже не испытывали особого желания начинать разговор.

«Ерунда какая-то получилась, – размышлял Алексеев. – Шли всё время прямо, прорубились через гарь, вышли с противоположной стороны и опять очутились на берегу Тыи... Чушь, чушь, чушь... Однако ж всё именно так и вышло... Но где же Ленка, где Востриковы? Непонятно. А мы ещё день потеряли, считай, впустую...

Стемнело-то уже основательно... Артишок отодвинулся в тень, то и дело прикладывается к фляжке, сосёт своё пойло. Не надрался бы, приводи его потом в чувство. А, оставим, в крайнем случае здесь пускай сидит, у лодки, пузо на солнышке греет. А Яков Антонович с Виктором о чём-то негромко переговариваются. Никак детство вспоминают?»

– Я, Витя, в России рос, далеко от этих мест, – рассказывал бакенщик. – Речка у нас в селе была. Щуки в ней водились приличные, голавли. Ну, это для серьёзных рыбаков. А мы, пацаны, окушков таскали и прочую плотву. Или вот ещё такая рыбёшка есть – уклейка. Вроде бы тьфу, мелочь, а в трудные годы она нас здорово выручала. Набьешь мух, на крючочек нанизаешь... А потом, главное, не зевать – уклейка наживку мигом сшибает. Она стайками ходит, у самой поверхности, вымотришь, где по воде круги идут, туда и забрасываешь. Стайка уходит, и ты за ней по берегу. Так, бывало, за день набегаяешься, что и ноги не держат, зато десятков пять-шесть уклек домой принесёшь – всё к столу добавка...

– У меня друг в Тирасполе живёт, письмо недавно прислал, – произнёс Виктор. – Так тоже про эту уклейку пишет. Хожу, мол, на Днестр, тягаю её, потому как одной травой с огорода питаться скучно. Работы нет, денег тоже...

– Вписываться нужно в изменившиеся реалии... – буркнул Артишок, но никто на его слова не отреагировал.

– Да-а, – протянул Яков Антонович. – Такие, значит, дела... – Он покрутил головой, но развивать эту тему не стал, а вновь вернулся к воспоминаниям: – Ещё мы бычков ловили. Таких же, как в море водятся, только в реке они помельче, но и повкуснее. Ветку сломаешь, леску к ней привяжешь, крючков сколько есть. Главное, не спешить, подождать, пока за каждый бычок ухватится. Сначала самые крупные наживку хапают, потом помельче. Видишь, что уже совсем мелочь пошла, значит, пора место менять.

– У нас бычки не водятся, – сказал Виктор. – Раньше ершей много было, такие же жадюги. Нас в пионерлагере на рыбалку водили. Какая там рыбалка: шум, гам. А ершам всё равно. Но какая уха с ними получается, м-м-м! (Тёма звучно сглотнул слюну.) Потом загадили реку, и исчезли ёршики...

– Это мы умеем, – согласился бакенщик. – Когда рудник на Тые ставить собирались, тоже были разговоры, что загубят реку. Да вишь, как всё в жизни обернулось...

Что-то серое внезапно вымахнуло из-за деревьев, увернулось от взлетающих к ночному небу искр и кануло в темноте. Повисел в воздухе странный угрожающий вскрик, напоминавший не то стон, не то плач, но и он быстро угас...

Олег почувствовал, что его лица коснулись то ли мягкие перья, то ли обрывки истлевшей материи. И тут же встрепенулся сидевший в стороне Артишок.

– Вот зараза! – выругался он. – Прямо по морде зацепила. Конкретно, по сути! Кто это?

– Не знаю... – растерянно признался бакенщик. – Для совы слишком уж велика. Да и нет здесь никакой живности. Только и мне поместилось, ровно перьями по лицу проехало...

– Мне тоже, – коротко произнёс Виктор.

– Может, это злой дух? Летел по своим пакостным делам и случайно на нас напоролся, – предположил Алексеев, но тут же понял, что шутка получилась, пожалуй, не очень удачной...

3

Вышли с рассветом. Бакенщик что-то недовольно ворчал себе под нос, внимательно всматриваясь в тропу под ногами и скалы, как и прежде, остававшиеся по правую руку. Поначалу шли ходко, но потом совершенно неожиданно попали в заросли невысокой травы, на которую накануне внимания как-то не обратили. Её толстые короткие стебли словно пытались ухватиться за придавливающую их обувь и потом долго ещё напряжённо шевелились.

«Вот же гадость, – размышлял Олег, выдирая ноги из цепких захватов. – Цепляются, как пальцы. Знаю, что есть растения, реагирующие на прикосновения, но о таком не слышал. Может, хищник какой? Росянка же ловит насекомых, а потом с аппетитом потребляет. Только непонятно, кого эти пальчики цапают. Для мух-жуков они явно великоваты...»

По-заячьи заверещал Тёма. Оказалось, что он остановился «по своим делам», а когда решил идти дальше, не смог сдвинуться с места – жадные стебли цепко держали его за брюки. И опять Виктору пришлось выручать своего «босса» – несколькими быстрыми взмахами ножа он обрезал травянистые «пальцы». Обрубки судорожно изгибались, из них сочилась странная, напоминающая по цвету сукровицу жидкость.

– Здесь лучше не задерживаться, – ни к кому конкретно не обращаясь, посоветовал Яков Антонович. – И ногу ставьте потвёрже.

Олег так и поступил. Теперь гадостные стебли лопались под подошвой, обильно разбрызгивая всё ту же тошнотворную жидкость. Она вдобавок ещё и отвратительно воняла – не то какой-то дохлятиной, не то чем-то протухшим.

Хлюп, хлюп, хлюп...

«Повезло вчера, что обошли эту травянистую помойку стороной. А сегодня почему вляпались, идём-то вроде бы той же дорогой?»

Хлюп, хлюп, хлюп...

«Где же Ленка, где её шепутные спутники? Накануне хоть какие-то следы нашлись, а сегодня вообще ничего...»

Хлюп, хлюп, хлюп...

«Голова уже от этой вони кружится, того и гляди стошнит...»

Хлюп, хлюп, хлюп, хлюп...

– Держитесь, ребята! – Это Яков Антонович. – Немного осталось.

И точно – под ногами захрустел мелкий гравий, да и воздух заметно очистился. А Виктор почему-то задержался среди стеблей травы-цеплялки, рассматривает что-то под ногами, машет бакенщику, подзывает к себе. Придётся возвращаться...

Гнилостный запах едва не вызвал приступ рвоты. Нет, к такому привыкнуть невозможно... Что они там нашли?

Стебли-пальцы всё той же травы. Уже завядшие. Но они отрезаны ножом. Значит...

– Ваши проходили здесь, – уверенно заключил Яков Антонович.

– Почему именно они? – прокричал Тёма, предусмотрительно остановившийся подальше. – Конкретно, по сути?

– А больше-то и некому, – пояснил бакенщик.

Дорога пошла под уклон.

– Что за трава такая пакостная? – поинтересовался Виктор.

– Леший её знает, – отмахнулся Яков Антонович. – Первый раз с таким сталкиваюсь.

– У вас тут химкомбинатов вроде бы нет? – спросил Олег.

– Отродясь ничего подобного не водилось. А к чему ты спрашиваешь?

– Да один мой знакомый побывал на небольшом озере возле Арала. Туда лет тридцать всякую дрянь с химических заводов сливали и сбрасывали. Не вода уже в этом озере, а ядовитый рассол. Вот только рыба не вся передохла, кое-кто приспособился. Одну при нём выловили. Голова, говорит, здоровенная и почти сразу в хвост переходит, тела почти что и нет. По морде карп-кавром, но с зубицами, острыми, как у щуки.

– Тьфу, – сплюнул бакенщик. – У нас, слава богу, такой дряни нету. Это что же дальше будет с тем озером и с тварями, что в нём водятся?

– Кто же знает? Может, новые динозавры из него на берег повылезут...

Вонючая слизь никак не хотела отчищаться с ботинок, и Алексеев обрадовался, заметив невдалеке неширокую речушку. Хоть обувь можно будет отмыть, да и немного освежиться тоже лишним не будет.

Речка пересекала ущелье, и было совершенно непонятно, как они вчера её миновали. Вот только размышлять об этом не хотелось, и Олег ускорил шаги.

– Стой, Иваныч!

Он недоуменно обернулся.

– Не спеши... – Яков Антонович подошёл ближе, пристально всмотрелся в струящийся поток.

– А что такое?

– Да вроде как и ничего... Только непонятно мне, откуда эта речка взялась. Снега в горах давно стояли, больших дождей не было. И вчера мы весь день посуху шли...

– Может, озеро горное где ночью прорвало?

– Бывает такое. Но уж больно вода чистая... И камни хорошо обкатаны, так случайный поток не сделает. А на голыщах этих ни моха нет, ни травинки меж ними...

Да, странно... На гравийной осыпи, по которой они шли, какая-никакая трава пускай жёсткая и невысокая, но росла...

– Всё равно нам эту реку переходить придётся, – высказался Тёма. – Конкретно, по сути. Не возвращаться же из-за неё.

– Это, конечно, верно...

Олег подошёл поближе к прозрачному потоку. Речка как речка, неглубокая, едва ли по колено будет. Мудрит что-то Яков Антонович, придумывает невесть что...

Краем глаза заметил, как жадно рванулась к его ботинку небольшая волна. Откуда она взялась? Всмотрелся повнимательнее – выплеснувшаяся на камень вода отступала, над влажным берегом заструился не то густой пар, не то белесый дымок.

Он наклонился, выбрал камушек покрупнее и запустил его на середину потока. Ухнуло, ахнуло, вода мгновенно загустела, сделалась похожей на желе, ввысь взметнулся фонтан из этого «киселя», моментально приобретшего синюшный цвет.

– Ё-моё... – только и выговорил ошарашенный Виктор.

Олег отшатнулся подальше от подозрительной речки, Тёма нервно облизал губы.

– Да-а... – Рука бакенщика опять озадаченно потянулась к затылку. – Однако...

Немного помолчав, он предложил:

– Пойдём-ка поближе к скалам. Камень, он, пожалуй, понадёжнее будет.

Так и поступили. К воде (или что там нёс странный поток) старались не приближаться. То и дело выплёскивающиеся на берег волны разъярённо хлюпали, тянулись к находившимся вне пределов их досягаемости людям, по поверхности реки кружились хищные водовороты.

Вскоре приблизились к небольшой каменной гряде, вдававшейся в распадок, пошли по ней. Поток теперь взрёвывал внизу, ярился между валунов, от которых поднимался всё тот же не то пар, не то дым. Олег с опаской поглядывал на его быстро разрываемые ветром клубы – чёрт знает, что это такое, ещё надышишься ненароком...

Наконец Яков Антонович остановился возле двух довольно крепких лиственниц, цеплявшихся корнями за камни, похлопал одну из них по стволу и объявил:

– Тут, ребята, и будем переправляться.

Он отсёк топором ветви, до которых смог дотянуться, потом умело подрубил ствол, и дерево тяжело рухнуло, образовав мост над беснующимся в паре метров под ним потоком.

Тёма испуганно поглядел вниз и выдавил:

– Я не перейду. Конкретно, по сути. Не смогу...

– Не бойсь, – подмигнул ему бакенщик. – Сейчас верёвки натянем, будут вместо перил. Да тут и идти-то не больше десятка шагов. Пустяки.

Он извлёк из рюкзака моток прочной верёвки, перебрал её конец вокруг ствола второй лиственницы и спокойно перешёл по шатающемуся деревцу через опасную речушку. Получше закрепил вершину поваленного дерева меж валунами, используя торчащие ветви, привязал оба конца верёвки. И вправду, получилось что-то вроде перил – хлипких, ненадёжных, но создававших ощущение, что в случае чего за них можно удержаться...

– Всё равно не могу... – Губы Артишока тряслись.

– Я подстрахую, – успокоил его Виктор и посмотрел на Алексева: – Иди ты.

Олег взялся повлажневшей рукой за верёвку, сделал первый шаг...

«Ничего страшного, – пытался внушить он себе, – представь, что идёшь по бревну, лежащему на земле. Как в детстве, далеко отсюда, возле дома деда. Это просто старое широкое бревно, на котором днём собирается детвора, а вечерами степенно переговариваются взрослые. Ничего страшного...»

Самовнушение помогало плохо. Противоположный берег был выше, приходилось, словно бы подниматься в горку, неровно обрубленные бакенщиком и уцелевшие ветви мешали уверенно ставить ногу, но главное – поток, мчавшийся вниз. Он был уже мертвенно-сизого цвета, под «мостом» выгибался горбом, по которому метались ищущие жертву острые языки, казалось, вот-вот они взвывают ещё выше, и...

– Не смотри вниз! – хлестнул окрик Виктора.

Олег поднял голову. Да ведь ему осталось сделать всего пару шагов, вот и Яков Антонович уже протягивает руку!.. Всё...

Внезапно голова закружилась, и он осел на камень. Нормально, всё нормально... Просто надо немного отдышаться...

Когда Алексеев пришёл в себя, Виктор и Тёма прошли уже середину пути. Артишок мелко перебирал ногами, глаза его были закрыты, губы истово шептали что-то неслышное другим. Виктор придерживал «босса» за шкуру, он шёл осторожно, но абсолютно спокойно. Ну и нервы у парня – позавидуешь! Хотя, если представить, что ему пришлось пройти, чтобы научиться подобному самообладанию, желание завидовать сразу пропадает...

– Ну вот, всего и делов-то. – Яков Антонович произнёс эти слова самым обыденным тоном, так, словно для него переправы через речку-убийцу давно вошли в привычку. – Идём дальше.

– Нет, – хрипло выдохнул Олег. – Я к такому подвигу ещё не готов... Да и перекусить было бы неплохо...

Возражать и спорить бакенщик не стал.

4

Когда все окончательно очухались от переправы через яростно скулящий среди камней поток и продолжили путь, Олег долго ещё ощущал, как противно подрагивают колени.

«Держись! – приказывал он себе. – Не поддавайся. Да, находимся невесёло где, да, идём, по сути, куда глаза глядят, да, за весь день не видели никаких следов пропавших, кроме нескольких срезанных стебельков травы-хваталки, но Антонович уверяет, что другой дороги здесь нет, а он-то знает, что говорит...

Вот дед, насколько старше остальных, а усталости и страху совершенно не поддаётся. И Виктору хоть бы что, ещё и «босса» своего постоянно боится. Зато Артишок сдал заметно. Еле передвигает ноги, в глазах светится какой-то прямо-таки животный ужас. Виктор то и дело тихо шепчет ему что-то. Тёма молча смотрит на своего секьюрити и покорно кивает. Вот только идёт он всё медленнее, похоже, окончательно выдохся... А ты сам-то? Не стал ещё обузой своим спутникам, которые в общем-то из-за тебя, из-за твоей сестры рискуют? Нет, пожалуй, но, честно говоря, и пользы от меня немного, всю основную работу выполняют Яков Антонович и Виктор. А это не дело...

Дьявол, долго ещё ноги будут дрожать? Кой чёрт – ноги! Это ж земля подрагивает, колыхается после каждого шага... Куда же нас теперь занесло? Неужто в трясины?»

Нет, на болото место, по которому они шли, совсем не походило. Всё так же подступали с обеих сторон неприветливые скалы, росли вокруг лиственницы да редкие берёзы, мёртво шуршала под ногами засохшая трава. Но почва заметно проседала под весом людей, а остающиеся после них следы медленно затягивала какая-то красно-бордовая тягучая жижа.

Это не болотная вода. Та ржавая, подёрнута тонкой переливающейся плёнкой, эта же – натуральная кровь. И цвет у неё, как у крови, и запах схож, бывал Олег как-то на бойне мясокомбината, помнит...

Такое ощущение, что шагаешь по живой ещё плоти. Сопротивляться она уже не может, выплескивает вместе с остатками жизни накопившуюся невыносимую боль. И постепенно раздвигается, надеясь поглотить тебя, всосать в свою бездонную глубину...

Внезапно Олег разозлился. К чёрту! Надоели все эти неясности, ловушки и угрозы. Коли природа сошла с ума, то это не значит, что он должен слепо следовать её примеру. А если всё это устраивает кто-то мыслящий, но по какой-то причине укрывающийся от них, пускай этот некто знает: он, Олег Иванович Алексеев, поворачивать оглобли не намерен! Потому что пришёл он в этот проклятуший распадок не для того, чтобы развлекаться. И разгадывать нелепые загадки не собирается. Ему нужно одно – разыскать невесть куда запропавшую сестру и её друзей. Поэтому – хватит!

Олег посмотрел на своих спутников. Яков Антонович шёл уверенно, не обращая никакого внимания на фонтанчики кровавой жижи, выплёскивающиеся из-под его сапог. Виктор свирепо сжимал зубы, катал по скулам желваки. Пересекал странное это место, аки посуху. А вот Артишок скис окончательно. Он старался идти за своим секьюрити след в след, но то ли ноги у Тёмы были коротковаты, то ли центр тяжести по-иному расположен, однако злосчастный бизнесмен раз за разом проваливался в кровоточащую почву по колено, а то и глубже. Виктор молча вытаскивал «босса» из очередной колдобины и, не слушая его жалоб, упорно шёл вперёд.

Бакенщик прокладывал дорогу поближе к скалам, видно, опять надеялся выйти на надёжный камень. А где, кстати, скала-тигр, давно бы пора ей показаться. Или Алексеев её на ходу просто не заметил?

Олег сбавил шаг, подождал, когда Виктор его нагонит, и спросил:

– Каменную кошку мы давно прошли?

Секьюрити мотнул головой:

– Не было её. Точно. Я внимательно смотрел.

Так, значит... Упрыгала зверюга по своим делам. Ну что ж, им и без неё не скучно. Вон очередная туча через скальную стенку переползает, чёрная какая-то, похоже, дождём беременная. Точно, зашлёпали по земле первые тяжёлые и холоднющие капли. Этого только не хватало...

Яков Антонович повернул к своим спутникам встревоженное лицо:

– Плохо дело, ребята... Нужно нам срочно искать укрытие понадежнее.

– А что случилось?

Бакенщик показал на рукав своего плаща. Дождевые капли, попав на него, расплывались неаккуратными лепёшками, которые тут же застывали.

– Ледяной дождь начинается. Вроде бы совсем не по сезону, однако вишь ты, как получилось...

– Это ещё что такое? – Тёма и так трясся от страха, а теперь и вовсе позеленел. Даже своё неизменное «конкретно, по сути» не помянул.

– Встречаются два воздушных потока, – постарался расширить кругозор экс-родственника Олег. – Верхний тёплый, он несёт дождь, а нижний замораживает капли в липкие льдинки. Гадостная штука.

– И что теперь? – Рыхлая плоть Артишока тряслась, как студень.

– Крышу над головой искать нужно.

– Где?

– Где, где... Подсказать, или сам сообразишь? Где угодно.

А дождь всё усиливался. Ноги разъезжались на быстро покрывающейся коркой льда земле. Олег поскользнулся и так приложился боком о камень, что в глазах потемнело. С трудом поднялся и тут же услышал радостный возглас бакенщика:

– А ну, ребятушки, за мной!

Скалу раздирала вертикальная трещина. Неширокая – но человек в неё пройти мог свободно. Виктор, уже державший в руке фонарь, первым шагнул в её опасную черноту. Алексеев последовал за ним, и тут же на него навалилась душная тишина...

5

Луч фонаря описал круг: пещерка не пещерка, тесновато, но разместиться можно – пяток шагов в ширину, шесть-семь в длину, а потолок и вовсе метрах в десяти над головами. Главное, что от непогоды укроет. И нет здесь ни зверя, ни человека, никто на незавидную жилплощадь не претендует.

Но Яков Антонович по-прежнему выглядел обеспокоенным:

– Дрова нужны. И побольше! А то мы тут до утра загнёмся.

Они с Виктором вновь ушли под дождь. Тёма наощупь пробрался в самый дальний угол каменного мешка, хлопнулся на пол и демонстративно забулькал своей фляжкой. Олег стоял, бессильно опустив руки.

Ох, как не хочется двигаться. Он так устал за этот безумный день... Но ведь дрова на самом деле необходимы. Очень скоро холод охватит и так продрогшее тело, а это конец...

Непогода продолжала бушевать. В серых сумерках уходящего дня было видно, как нарастает ледяной покров под ногами. Деревья покрывались прозрачным панцирем, сосульки, свисающие с ветвей, вырастали на глазах.

Хвороста на земле немного, он уже примёрз к камням, а пальцы не гнутся, замерзли. Ничего, нужно потерпеть, зато куча дров заметно увеличивается. Но бакенщику одного хвороста мало, он уже свалил старую, почти засохшую лиственницу и теперь мерно машет топором, разделявая ствол на обрубки, которые можно проташить в щель.

С хрустом переломилась ветвь, не выдержавшая веса льда, рухнула на землю. Нужно бы и её прихватить, но Яков Антонович сердито кричит, запрещая приближаться к деревьям. Он прав – ветви уже ломаются одна за другой, не дай бог попасть под такую...

Неужто успели? Почти ничего не видно, и бакенщик загоняет помощников в укрытие. Лёд отламывается от одежды, шлёпается на пол, однако не тает – холодно в пещерке. Но Виктор уже сложил хворост горкой, чиркает спичкой, та шипит и гаснет. Секьюрити матерится сквозь зубы, достаёт из кармана обрывок старой газеты, и вот уже огонёк весело бежит по тонким веточкам.

Тепло... Какое же это счастье, даже если тебя окружают неприветливые каменные стены... Кровь толчками бьёт в опухшие и покрасневшие пальцы, но они снова гнутся. Уже вернули чувствительность. Живуч человек!

Олег достал из чуть подмокшей пачки сигарету, жадно затянулся и тут же подошёл поближе к выходу из пещеры. Усмехнулся про себя – привычка не курить в помещении даже здесь срабатывает автоматически.

Виктор тем временем вытряхнул «босса» из насквозь промокшей куртки, усадил поближе к костру. Тёма, обернувший голову запасной рубашкой, сильно смахивал на старую, потрёпанную жизнью бомжиху.

Алексеев докурил сигарету, щелчком отправил окурок наружу. Слабый огонёк почти сразу же уткнулся в землю и погас, а ветер завыл ещё сильнее, ещё свирепее.

Ветер? На мгновение Олегу показалось, что к пещере приближается огромное, жестокое и безжалостное существо, и он поспешно отступил под защиту костра. Похоже, что и другие ощутили странное тревожное напряжение. Оно всё усиливалось, перерастало в липкий страх.

Кажется или нет, что клубы тьмы, проникающие в пещеру, уплотняются и стараются дотянуться до людей? Словно многочисленные руки того, кто беснуется, не смея перемахнуть через костёр...

Виктор вскочил, ощерился, словно хищник, завидевший врага. В его руке тускло поблескивал пистолет Макарова. Ствол качнулся из стороны в сторону и неожиданно выплеснул стужу короткого пламени. В ответ прогремел яростный рёв. В нём не было слышно боли, скорее удивление на то, что противник осмеливается огрызаться.

– Не стреляй! – взвизгнул Артишок. – С ума сошёл?!

Виктор внимания на «босса» не обратил. Бакенщик уже стоял рядом с ним, сжимая в руках свою двустволку. А вой не затихал, страх продолжал просачиваться в пещеру, стремился овладеть волей запертых в каменном мешке людей...

Громко треснуло полено в костре, уголёк-искорка вылетел в темноту, описал замысловатую траекторию и словно уткнулся в невидимую людям преграду. И сразу – ввинчивающийся в уши пронзительный визг.

– Вот ты чего не любишь! – выдохнул Виктор.

Он лихорадочно распутал вязки рюкзака и выхватил оттуда ракетницу. Миг, и струя летучего огня вонзилась в черноту, рассыпалась там на тысячи брызг.

Олегу показалось, что от отчаянного воя обрушатся камни. Он готов был поклясться, что видел странный объятый огнём силуэт, который метался по обледенелой земле, пытаясь сбить охватившее его пламя. Этот силуэт постепенно удалялся, одновременно уходило ощущение безысходности, и ужас ослаблял свою страшную хватку...

– Он вернётся... – Тёма еле шевелил губами. – Зря ты его рассердил... Теперь он нас не пощадит...

– Кто?

– Злой дух... – Артишок поднял лицо, по его щекам струились слёзы. – Их тут много. Мне Зиновий рассказывал. Конкретно, по сути...

– Тьфу! – не сдержался Алексеев. – Шёл бы ты подальше вместе с духами и прочей белибердой.

– Он вернётся... – В голосе Тёмы вместе с безысходностью звучала уверенность.

И «он» вернулся. Снова уплотнилась ночная чернота, снова тревога и страх проникли в пещеру, грозя перерасти в лишающий рассудка ужас. Непонятное и невидимое существо приближалось, недовольно ворчало, выбирая момент, чтобы расправиться с людьми. Так крупный хищник бродит вокруг забившейся в хлипкое убежище добычи.

Олегу почему-то вспомнились школьные годы, когда они с приятелем, чтобы избавиться от надоедливых младших братьев, подсунули тем книжку Джима Корбетта «Леопард из Рудра-праяга». Пацаны после этого с наступлением темноты нос на улицу боялись высунуть...

Но здесь – другое. Всё абсолютно реально. Невидимый монстр уверен в успехе, он настойчиво ждёт, когда потерявшие голову от страха люди сами выбегут наружу, прямо в его пасть, лапы, или что там у него имеется. Артишок к этому уже готов, он не лежит на каменном полу, а буквально растёкся по нему, только повизгивает от охватившего его ужаса. Остальным приходится постоянно за ним приглядывать.

– Сколько времени? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Алексеев. Часы на запястье, но кажется невозможным, хоть на мгновение, оторвать глаза от тёмного зева, ведущего в пещеру.

– Начало третьего, – откликнулся бакенщик. – Долго ещё до рассвета. Да и Луна вот-вот спрячется.

Это плохо... И дрова убывают с пугающей быстротой... А незримый враг всё ближе, рёв его набирает силу, в нём уже звучит нескрываемое торжество. Ещё миг, и он бросится на них...

И вдруг... Что происходит? Рёв переходит в разочарованное завывание, оно ослабевает и явно удаляется. Ушёл? Но почему? Или его спугнуло ещё более страшное существо, учувшее желанную поживу?..

* * *

Туман всё гуще окутывает землю. Он похож на вату и такой плотный, что в нём трудно не то что передвигаться, даже рукой двинуть тяжело. Его влажная ладонь судорожно переползает по лицу, и по щекам медленно сбегает крупные капли воды. Или это слёзы?

В тумане кто-то есть. Огромный и ненасытный. Белёная пелена не даёт ему разглядеть жертву, но чутьё помогает, и невидимое существо постепенно приближается к источнику тёплой крови.

Его шагов не слышать, туман гасит все звуки, но земля ощутимо подрагивает, выдавая перемещения врага. Почему врага? Это, скорее, рок, от которого не укрыться, ибо так предписано тебе судьбой. Ворочающаяся в плотном тумане тварь – это последнее, что ты увидишь на своём веку...

И эта тварь не одна. У неё есть помощники – мелкие, но юркие, способные проникнуть в любую щель. От них тоже исходит ощущение опасности, они не упустят шанс напасть, впиться в горло, высосать кровь. Но не сегодня. Сегодня они – слуги, выполняющие распоряжение своего повелителя. А тот уже недовольно повизгивает, он устал ждать, ему хочется вцепиться наконец в желанную добычу.

Всё гуще туман, всё плотнее. Он, подобно длинным крепким полотнищам, связывает любые движения, не даёт уйти от опасности. Туман играет и с преследователем, и с его жертвой, затягивает начало последнего акта предстоящей драмы, получая от этого удовольствие. Он – зритель, готовящийся с комфортом насладиться зрелищем...

А незримый враг совсем рядом. Ещё мгновение, и он появится из серой колышущейся пелены...

Туман затекает в горло, он душит, сковывает волю, лишает сил...

Глава третья

1

Спал в ту ночь Алексеев или нет, он так и не мог вспомнить. Наверное, усталость смо-рила-таки: вроде бы только что напряжённо всматривался в черноту ночи, а уже в узкую расщелину просачивается серенький рассвет...

Они вышли из так кстати подвернувшейся пещерки. Впереди, насколько хватало глаз, всё было покрыто толстым слоем льда. Он обнимал каждую травинку, так, что зелёный стебелёк покоился в прозрачном саркофаге. Окурок, выброшенный накануне Олегом, просвечивал через толстые стенки ледяного кирпича, выросшего вокруг него. Деревья лишились ветвей, обрушившихся под непосильным грузом и лежавших теперь на земле неаккуратными кучами, покрытыми прозрачным слоем. Устоявшие стволы лиственниц напоминали непонятно зачем натканные в этом ущелье телеграфные столбы, берёзы согнулись в дуги...

Солнце ещё не взошло, и серый ледяной покров казался похоронным саваном, наброшенным на истерзанный ночной бурей распадок. И тишина – мертвая тишина, её не нарушало ни дуновение ветра, ни шелест тяжело обвисающих с низкорослого кустарника уцелевших листьев...

– Н-да... – оглядев эту картину, обронил Яков Антонович. – Повезло нам, однако. Страшно даже представить, что случилось бы, останься мы под открытым небом... Ну, что ж, нужно, ребята, идти дальше.

– Куда? – неожиданно для себя спросил Олег.

Серое безмолвие давило, навевало страх и тоску. Человек – царь природы? И кто это только придумал! Стоит планете хоть немного показать свои зубки, и этот «царь», подвывая, прячется в свою нору. Да и там не укроешься. Если такой вот ледяной дождь прольётся над городом – всему конец. Электрические провода оборвутся, связь исчезнет, столбы высоковольтных и прочих передач сложаются, словно косточки домино... А уж когда встречаешься с природой лицом к лицу, и за твоей спиной не маячит даже тень «могучей цивилизации»...

– Дорога у нас одна, – просто пояснил бакенщик. – Вверх по распадку. Нет тут, Иванович, другого пути. Вчера на следы пропавших наткнулись, думаю, и сегодня должно повезти. Потому как и им идти больше некуда...

– Хватит!

Резкий голос Тёмы прозвучал неожиданно.

– С меня хватит. Вы – как хотите, а я возвращаюсь! Конкретно, по сути.

– Ты что? – недоуменно посмотрел на него Алексеев.

– Что? – Артишок облизал губы, повторил: – Что?! – А потом его будто прорвало: – Я подыхать здесь не намерен, мне моя жизнь ещё дорога! У-у-у!.. – Он с силой ударил себя по голове. – Идиот! Раз в жизни по-настоящему повезло, и вот... Ты что же думаешь, я и взаправду твою придурочную сестричку разыскать надумал? Нужна мне она! Свернула шею – туда ей и дорога!.. И ведь сам, сам ей этот амулет отдал... Думал – ерунда! А оказалось...

– Что оказалось? – жёстко спросил Олег.

– Мне за него такие бабки предложили... – Тёма чуть не плакал. – На две жизни хватит. Настоящие жизни! Думал, брошу бизнес этот грёбанный, уеду в нормальную страну, виллу свою представлял на берегу океана, яхту, жратву самую наилучшую... У-у-у!..

– Ну, ты и дерьмо... – только и смог вымолвить Алексеев.

– Какой есть! – зло ощерился экс-родственник. – А вы, придурки, ищите. Коль не сдохнете, потом расскажите мне всё... И не надейтесь моим имуществом попользоваться! Я сюда

настоящих спецов зашло, они каждый камешек, каждую ямку обнюхают, всё выпытают... И то, что амулет этот мой, докажу, юристы мне такую бумагу сварганят, что ни один суд не откажет... Собирайся, Витёк, уходим!

– Но как же?... – Секьюрити выглядел растерянным, из него будто воздух выпустили.

– Что?!! – Тёма сорвался на визг: – Тебе кто бабки платит? Или забыл, какой контракт подписывал? Заткнись и быстро собирай шмотки!

Виктор виновато посмотрел на Олега, потом попытался прочесть хоть что-нибудь в глазах Якова Антоновича и понуро побрёл к лежащим у стены пещерки рюкзакам. Тёма уже «обмундировался» – перебросил через пузо изрядно похудевшую сумку со своим личным запасом и нетерпеливо перебирал ножками, готовый в любую секунду сорваться с места.

Алексеев, приметив знак, украдкой поданный Виктором, подошёл к охраннику поближе.

– Держи! – секьюрити тайком передал ему короткий автомат в чехле. – Вам он нужнее. Знаешь, как им пользоваться?

Олег молча кивнул – дело нехитрое, приходилось встречаться с подобными «машинками» в разных горячих точках.

– В обоях каждая третья пуля трассирующая, – торопливо пояснял Виктор. – Ракетницу с ракетами тоже оставляю. Пригодятся... А я вернусь. Выведу этого говнюка в Ахтимнево и сразу вернусь. Ждать меня не нужно, сам вас разыщу...

– Долго ты ещё?... – прогнусавил Тёма. – Задолбал уже, конкретно, по сути!

– Иду... – И Виктор вышел из пещеры.

Они долго смотрели вслед уходящим. Секьюрити шёл размеренным шагом, казалось, что он вот-вот обернётся, но головы Виктор так и не повернул. Тёма то обгонял своего охранника, то забегал справа или слева от него, размахивал ручонками, видно, пытался что-то внушить. Фигуры отдалялись, становились всё меньше...

– Ну ладно... – вздохнул Яков Антонович. – Пора, однако, и нам выдвигаться. А про что твой родственничек нёс? Амулет какой-то?

– Чёрт его знает. – Олег развёл руками. – Обычная висюлька. Да я на неё и внимания не обращал. Мало ли что девчонки на себя цепляют...

Когда упаковывались, Алексеев показал бакенщику неожиданное пополнение их арсенала и передал последние слова охранника.

– Это да... – как-то неопределённо протянул Яков Антонович, помолчал и лишь потом закончил: – Витя парень хороший. Вот только не вернётся он. Этот твой родственничек, он же хуже клеща. Если присосался, уже не отдерёшь...

Вышли из пещерки, и сразу же бросилась в глаза ещё одна странность – там, куда ушли Артишок и Виктор, лёд практически сошёл, перед ними же расстилось всё то же серое неприветливое пространство. Перед тем как ступить на него, Алексеев остановил взгляд на закованном в лёд небольшом цветке. Он светился под лучами заглядывающего через скальную стену солнца – яркий, праздничный. Вдруг хрустальный чехольчик беззвучно соскользнул на землю, и тут же лепестки почернели и пожухли, а прокушенный морозом стебель бессильно поник...

Подошвы крошили тонкий лёд, но идти приходилось очень осторожно. Хорошо, если попадался небольшой камень – под его выпуклый бок можно было вбить носок ботинка, и следующий шаг получался более уверенным.

«Таким темпом долго будем ползти, – размышлял Олег. – И правда, словно кто-то мешает нам, не хочет пустить дальше по ущелью. Чувствую, конечно... Раньше ты с таким разве не сталкивался? Вспомни хотя бы ту рыбалку в Новосибирске...»

Поохотиться на лещей сманил Алексеева давнишний знакомец. Вышли на его лодке, встали недалеко от моста Гарина-Михайловского. А вскоре начался дождь. И что обидно – по Коммунальному мосту спокойно пешеходы идут, на пляже горожане нежатся, Димитровский

мост, что тоже неподалеку через Обь перекинут, солнцем залит, а над ними зависла тучка размером с тарелку и поливает, как из ведра, – замаялись воду из лодки вычерпывать.

Так что, всякое бывает... Вот то, что Виктор ушёл – это плохо. Без него гораздо труднее будет. Правда, и Артишока больше рядом нет, свалился с плеч, словно мешок дерьма. Гад он, всё-таки... А то ты этого не знал? Давным-давно знал. Но отношения с ним поддерживал, хоть и противно было. Ну как же – сначала давний знакомый, потом и вовсе родственник, потом... Что потом? Просто не хватало смелости высказать прохвосту то, что ты о нём думаешь. Мы ж интеллигенты, мы ж по-другому не можем... Как там у поэта:

Жить нам трудно,
Спать нам мокро,
Иногда часы снимают,
А набить нахалу морду
Нам пенсне не позволяет.
Режет нас двадцатый век
Напополам, как автоген,
Я всё равно ношу пенсне,
Я всё равно интеллигент...⁶

Зато опосля ручками всплескиваем да очередную порцию оправданий лихорадочно придумываем. Ладно, чёрт с ним... Но что всё-таки Артишок про Ленкину подвеску плёл? Кому она понадобилась? Разве что какому-нибудь тронутому коллекционеру. Хоть бы вспомнить, что на ней выбито... Какие-то закорючки (сестрица их высокопарно именовала рунами) и что-то смахивающее на лунный серпик. Сверху диска или внизу? Хоть убей, не вспоминается. Потёртая уже безделушка, это точно. Да и какая, собственно, разница, что изображено на той штуковине? К исчезновению Ленки и Востриковых это наверняка никакого отношения не имеет...

Выстрелы прозвучали совершенно неожиданно – один, второй, третий, после паузы – ещё несколько. Эхо бросало звуки от одной стены ущелья к другой, накладывало их друг на друга, пока не спрессовало в тревожный, всё более нарастающий гул...

Это что ещё такое? Олег завертел головой, пытаюсь понять, где стреляют.

2

Виктор все больше ускорял шаг. Кровянистое болото ничем о себе не напоминало, промёрзло за ночь, что ли? Хотя лёд сходит на глазах, вода впитывается в почву, так что, наоборот, идти должно быть труднее. Но что есть, то есть. И это хорошо – можно быстрее добраться до Тыи. Не повезёт Виктор босса в Ахтимнеево, переправит через реку, а дальше пускай сам плетётся, не заблудится.

Ах, как гадко на душе!.. Перед глазами стоят выгоревшие на солнце южные горы и лейтенант, забывший о долге и присяге, предавший веривших в него ребят. Спина труса петляет меж камней, страх гонит его прочь – страх за свою шкуру...

«Никогда не думал, что попаду в такую ситуацию. Чем я лучше того дезертира? В этом ущелье опасно, а я ушёл, оставил Якова Антоновича без поддержки. Олег, конечно, в сложной ситуации не струсит, но у него же нет никакого опыта!»

Быстрее, быстрее... Босс выдохся, но упорно семенит позади, старается не отставать. Его гонит ужас, из-за него он даже про жадность забыл. Быстрее!

⁶ Лукин Е. Песенка последнего интеллигента.

– Я тебя не забуду... – шепчет Тёма. – Отблагодарю... Конкретно, по сути...

«Как же! Дождётся от тебя благодарности... Да и не нужна она мне. Выведу, это я сделать обязан, раз уж подписался, а дальше...»

– Нам ещё ту речку переходить, – напоминает Виктор. – А верёвки нет.

Верёвка осталась у бакенщика. После переправы он отвязал один конец от ветки и плавно потянул её на себя. Прочный тросик поначалу покорно струился по середине импровизированного моста, потом соскользнул вниз и... Только парок поднялся над синюшным потоком.

– Ничего... – хрипит Тёма. – Я ползти буду, зубами цепляться, но выберусь...

Это точно. Такие на что угодно пойдут, через всё переступят, только бы шкуру свою разлюбезную спасти...

Стоп! А это что? Следы. Отчётливо видно, что проходили три человека. В сторону, противоположную той, куда сейчас идут Виктор с Тёмой. Ну да это естественно. Но как же они вчера их не углядели?

– Ты чего встал?! – надрывается босс. Аж приседает от нетерпения.

– Здесь следы...

– И что? Провались они пропадом! Выбираться побыстрее нужно, а не ерунду всякую рассматривать...

– Босс, вы же сами хотели сюда поисковиков заслать. Для них это важная зацепка.

– Да?.. – видно, как страх борется в Тёме с жадностью. Наконец жадность побеждает: – Пометь их как-нибудь. Конкретно, по сути. Только скорее!

– Я быстро...

Виктор вырубил три хилые листовенницы, соорудил над замеченными следами что-то вроде пирамидки. Она получилась приметной, и это хорошо. На обратном пути он всё тут внимательно осматривает.

– Шевелись! – босс опять психует. Неужто тоже почувствовал, как к ним подползает незримая пока опасность? Едва ли. Просто страх уже угнездился в нём намертво, как в той пуганой вороне, которая, как говорят, любого куста боится...

А речки-убийцы что-то не видно. Зато впереди замаячила скала, похожая на кошку. «Тигра», – так называл её Яков Антонович.

– Во! – обрадовался, завидев её, Тёма. – Этот старый дурак вчера с дороги сбился и нас чёрт знает куда затащил. Конкретно, по сути!

Странно... Накануне Виктор эту скалу специально высматривал, но так и не заметил. Ладно, некогда загадки разгадывать. До Тьи ещё долго ноги бить. Быстрее!..

Такое ощущение, что дорога под уклон пошла. Горизонт выгибается, словно стоишь на краю огромной чаши. А на её дне – берег Тьи, захлестываемый водой островок, поросший ивами, лежит злосчастный катамаран, рядом с ним лодка бакенщика. Причём близко всё это, рукой подать, просматривается чётко. Мираж?.. Да не бывает здесь миражей... Что тогда?

Тёма тоже увидел заветную цель.

– Бежим! – взвизгнул он и изо всех сил припустил к вождленному берегу.

В этот момент под ботинком Виктора что-то хрустнуло. Сухая лесина, на которую он наступил, переломилась, и щиколотку зажал, словно в капкане.

Дёрнулся раз, другой и понял – бесполезно, держит крепко. Нужно приподнять проклятое это брёвнышко, отодвинуть его в сторону, но как это сделать, если он до него и дотянуться-то не может?

– Босс! Помогите!

Тёма оглянулся и тут же заорал так, словно увидел перед собой саму Смерть. Он отшвырнул в сторону заветную свою сумку и ещё быстрее заперебирал ногами.

А Виктор теперь уже физически ощущал опасность, подбирающуюся к попавшему в западню человеку. Вывернул шею, но так ничего и не разглядел: враг умело укрывался в слепой зоне.

– Босс!..

Спина Тёмы стремительно удалялась. И вдруг перед глазами Виктора вновь встали жёлто-коричневые склоны гор, опять убегал прочь предатель-лейтенант. Гимнастёрка на его спине взмокла, но не от жары, а от животного чувства ужаса, унижительного для дававшего присягу человека...

– Стой! Стой, сволочь!..

Виктор нажимал и нажимал на спусковой крючок пистолета Макарова. Пули свирепо рвались к цели, они вонзались в тёмину спину, но никак не могли остановить уносящегося прочь труса.

Вот Тёма достиг края обрыва, в последний раз оглянулся, губы его исказило что-то похожее на усмешку, вот он взмахнул руками и быстро заскользил вниз по песчаному откосу...

3

Пока Олег растерянно озирался, Яков Антонович уже принял решение.

– Сюда! – И бакенщик решительно зашагал в глубь ущелья, давя сапогами покрытую толстым слоем инея траву.

– Кто там может стрелять? – не надеясь на ответ, спросил Алексеев и тут же сам предположил: – Может быть, Востриковы с собой какое-нибудь ружьё прихватили?

– Разберёмся... – процедил сквозь зубы Яков Антонович. Немного помолчал и пояснил: – Стреляли не из ружья, – а после долгой паузы добавил: – Вот же чёртово место...

«Это верно, – думал старающийся не отстать от бакенщика Олег, – чертовщины здесь хватает. Странной, жуткой, совершенно невероятной, но такой реальной... Такое ощущение, будто кто-то не хочет, чтобы мы шли в этот распадок. Кто-то или что-то? Какая разница, если всё равно невозможно ничего понять...»

Хорошо, что лёд почти сошёл, похоже, что это место чуть не угробивший нас дождь зацепил краем. Трава уже не хрустит, можно не бояться поскользнуться, а то после вчерашнего до сих пор рёбра болят...

Мёртвая трава, ей шуршать под ногами положено, только звуки, раздающиеся при каждом шаге, шуршанием не назовёшь. На стоны это больше всего похоже, на отчаянные стоны боли...

Новая притча... То из земли кровь сочилась, теперь она вопит, словно её мучают. И всё громче, всё жалобнее. Аж уши от этих воплей закладывает...»

Алексеев на мгновение остановился: надрывные стоны стихли. Сделал шаг назад – тишина. Опять устремился за мерно шагающим бакенщиком – жалобные звуки зазвучали с новой силой...

«Вот же проклятие!.. Нет, не нужно обращать на эту какофонию внимания. Стисни зубы и иди вперёд. Всё имеет объяснение, разберёмся и с этим...»

Вот только голову словно липким тяжёлым туманом затягивает, виски сжимает, сердце колотится под горлом... Ничего, нужно идти, просто идти... Найдём стрелявшего, и многое может проясниться...

Сейчас самое главное – подняться на этот взгорбок. Хорошо, что он покрыт камнями, они не вопят, а лежат себе спокойненько, как и полагается каменюгам... Ну, ещё немного... Есть!»

Перед Олегом открылась моховая равнинка, за которой начинался густой лиственничный лес. Но взгляд приковывал не он, а лежавший ничком человек. Очертания его колебались,

словно размытые, но Алексеев разглядел, что в правой выброшенной вперёд руке незнакомца был зажат пистолет.

Только шагнув к лежащему, Олег заметил, что того окружает какое-то странное, серовато-пепельное кольцо, и кольцо это шевелится, медленно сжимаясь вокруг упавшего тела. Это не мох, а что-то непонятное... Словно длинные неухоженные ногти, налегающие друг на друга, как черепица. Только здоровенные – в ладонь размером...

Вот между двух крайних «ногтей» высунулся кончик нового – блестящий от какой-то мерзкой слизи. Он растёт, вытягивается, загибается острым крючком, который с гадким всхлипом впирается в землю. И тут же «ноготь» теряет блеск, сереет, видно, что он становится крепче, плотнее. А вот уже и новый появился...

Яков Антонович, не раздумывая, шагнул на поверхность непонятного кольца. Под ногами захрустело, из-под «ногтей» выскочили странные, невероятно шустрые существа и бросились в разные стороны. Олег придавил одно из них ботинком и теперь с омерзением рассматривал корчащуюся многоногую тварь, оба конца которой заканчивались изогнутыми серпами-жвалами. Экая гадость! На вид хуже любой сколопендры, отвратительнее любого таракана...

Неожиданно часть покрытой «ногтями» поверхности начала вспухать, словно кто-то приподнимал её снизу, в щели потекла похожая на гной зловонная жидкость. Непонятная эта кочка всё росла, всё увеличивалась в размерах... И вот уже шустрые твари перестали разбегаться, замерли на миг, а потом дружно устремились к людям.

Олег ничего не успел предпринять, но Яков Антонович отреагировал мгновенно: сорвал с плеча ружьё и грохнул дуплетом, из обоих стволов в продолжающую распухать «кочку». Полетели в разные стороны какие-то ошмётки, и тут же «ногти» стали синеть, сморщиваться, разваливаться на куски, а «сколопендры» забились в отчаянных конвульсиях.

– Кажись, всё... – облегчённо выдохнул бакенщик.

Он решительно шагнул к лежащему человеку, заглянул ему в лицо и повернулся к Алексеву.

– Это ж Витя... – растерянно произнёс Яков Антонович.

4

Они долго не могли высвободить ногу Виктора, крепко прихваченную лесиной. За долгие годы коряга эта только что не окаменела, топор едва откалывал от неё небольшие щепочки. И поднять коварное бревно не удавалось, будто оно пустило корни и накрепко приросло к земле. Наконец, поддавшись яростному напору двух человек, лесина утробно ухнула и отвалилась в сторону.

– Ты смотри... – озадаченно произнёс бакенщик. – Это ж кто-то настоящий капкан подготовил...

И точно – брёвнышко было словно выгрызено небольшими, но невероятно острыми зубками, наступишь на это место, и нога непременно провалится, а потом её так зажмёт, что никак не вытащить...

Виктор не приходил в чувство. Его перевернули на спину, похлопали по синюшным щекам, потом, приподняв голову, попытались влить в плотно сжатые губы спирт – бесполезно. Пульс на шее прощупывался, но слабый, неровный. Наконец веки Тёминого охранника дрогнули, с лица исчезла искажающая его гримаса. Ещё мгновение, и секьюрити открыл глаза.

Его бессмысленный взгляд скользнул по встревоженным лицам Олега и бакенщика, неожиданно Виктор резко приподнялся, сел и со стоном сжал голову ладонями.

– Ты что? Болит что-нибудь? – Олег осторожно тронул его за плечо.

Виктор поднял на него глаза и выдавил:

- Я его убил... Понимаешь? Я убил его...
- Кого?!
- Босса... Он побежал, а на меня словно затмение нашло... В голове всё спуталось. Ну и... Он под обрывом лежит, рядом с лодкой...
- Каким обрывом, Витя?
- На берегу Тыи. Там... – Охранник вяло махнул рукой.
- погоди, погоди... – мягко заговорил Яков Антонович. – Ты успокойся сначала...
- Успокойся... Как тут можно успокоиться? Говорю же: я его убил!
- Ты посмотри вокруг, Витя. Какой обрыв? Какая Тыя? Как ты вообще сюда попал? Виктор лихорадочно заозирался, на его лице всё явственнее проступало недоумение.
- Ничего не понимаю... Я же ясно видел обрыв, лодку, катамаран, остров... Мне зажало ногу, кто-то подползал сзади, я это чувствовал. А босс убежал, бросил меня. Я в него чуть ли не всю обойму выпустил...
- Помстилось тебе. Очередной морок.
- А где же тогда босс?
- Вот и я о том же. Коли ты бы его подстрелил, следы б остались. Ну и это... тело неподалеку лежало бы. А здесь, сам видишь, ничегошеньки... Лучше скажи, как себя чувствуешь? Идти-то сможешь? Ногу не повредил?
- Вроде всё в норме... Но как же так, дядя Яша?
- Не знаю... Не знаю, Витя. Бесовщина тут какая-то происходит, прав был Зиновий... Ну да ладно... Ты посиди, покури, очухайся, а мы с Иванычем окрестности осмотрим, немного оглядимся, так сказать...
- Они вернулись к кольцу странных «ногтей», уже превратившихся в почти невесомую пыль, и там бакенщик, приглушив голос, спросил:
- Ну и что ты обо всём этом думаешь?
- Не знаю, – беспомощно пожал плечами Олег.
- А что это за дрянь была? – Яков Антонович показал на высохшие куски слизи, оставшиеся от таинственного обитателя «кочки».
- Представления не имею, – признался Алексеев. – Никогда ни о чём подобном не слышал. – И задал вопрос, который беспокоил его больше всего: – Делать-то что будем?
- Так вроде у нас и вариантов нет... – отозвался бакенщик. – Искать твою сестру и её друзей нужно? Нужно. Да и толстого этого бросать негоже. Он, скорее всего, со страху в лес драпанул.
- А если на гору полез?
- Яков Антонович с сомнением посмотрел на скалы.
- Не-е... Этакую крутизну дуром только в кино одолевают, в жизни такое не получится. Мы его не встретили, значит, остаётся лес.
- «Всё логично, – подумал Олег. – И всё плохо. И так было паршиво, а теперь – тем более... Но бакенщик прав: бросать поганца Тёму нельзя. Не по-человечески это. Придётся и его искать...»
- Опушку леса осмотрели тщательно, но никаких следов сбежавшего бизнесмена так и не нашли.
- М-да, – озадаченно хмыкнул Яков Антонович. – Куда же он подевался? Хотя... Иной раз человек с перепугу такое выкинет, что только диву даёшься.
- Зато обнаружили другое – следы несвежего кострища. Судя по всему, у огня сидели три человека, то же подтверждали и знакомые уже упаковки от суточных пайков, аккуратно прикопанные рядом.
- Вроде бы спокойно они шли, – заключил, изучив всё это, бакенщик. – Вот только куда и зачем? Заковыка...

– Я их следы тоже находил, – заговорил до того упорно молчавший Виктор. – Вскоре после того, как мы от вас ушли. И направлялись они в глубину ущелья.

– Как и сейчас, – констатировал Яков Антонович. – Вот только, по моим прикидкам, этому распадку скоро конец, горы его перегораживают... Ладно, пойдём, однако.

Неподалеку от кострища в лес уходила убогая тропочка, по ней и углубились в чашу. Всё было тихо.

«Пожалуй, даже слишком тихо, – размышлял Олег. – Насмотрелся я лесов, но подобного что-то не припомню. Под Новосибирском лес другой, там и в сосняке, и в березняке жизнь кипит. Бабочки то и дело пролетают, стрекозы над полянами воздух чертят, бурундуки пересвистываются, пичуги всякие. Ягоды в траве: и земляника, и черника, в более влажных местах брусничник и яркие шапочки костяники. Саранка⁷ сейчас ещё цветёт небось. А какая там красота, когда огоньки⁸ распускаются! Здесь же только ягель⁹ растёт. Станный какой-то – не то серый, не то синюшный. И хрустит под ногами, словно пересохшие сучья. В Якутии ягель не такой, он мягкий, в него нога, словно в пух, погружается... На Урале лес запущенный, колючий кустарник всё время за одежду цепляется, но и там жизни полно: ежи пыhtят, дятлы по стволам долбят. А тут – ничего: ни птичьего переклика, ни комариного звона. Лиственницы толстущие, сухие ветви торчат во все стороны, а свисающие с них лишайники похожи на запущенные бороды неопрятных старцев. И – паутина, ух, сколько её здесь! Самих пауков не видно что-то, и ловчие их сети пусты: ни мошки в них нет, ни мухи. Пылью какой-то покрыты, да и всё словно тускло-серой пеленой занавешено. Мёртвый лес. Вот именно – мёртвый, самое лучшее для него определение...»

Алексеев поднял валяющуюся у тропы палку и запустил её в ближайшее полотнище паутины. То дрогнуло, но выдержало вес деревяшки, нелепо зависшей над землёй, – бесполезная, никому не нужная добыча...

– Не надо, Иваныч, – нахмурился бакенщик, и Олег виновато кивнул.

«И верно, – мелькнуло в голове. – Не стоит будить лихо, пока оно тихо...»

А тропка всё петляла и петляла меж неподвижных стволов, и нереальную тишину не прерывало ничто. Шаг за шагом, минута за минутой... Алексеев посмотрел на часы – скоро час будет, как вошли они под полог этого равнодушного, мёртвого леса.

Серое полотнище паутины перегородило дорогу. Было такое ощущение, что висит оно здесь целую вечность, уже и соткавший его паук успел окочуриться, а никчёмная его сеть всё продолжает караулить добычу...

– Подожди! – Виктор решительно отстранил Алексеева и внимательно осмотрел преграду. Потом плотно примотал бечевкой нож к концу посоха, который вырезал себе ещё на опушке, и резко взмахнул рукой.

Пыльное полотнище раздалось на две половины, они безвольно обвисли, словно старые шторы. А больше ничего не произошло.

Виктор хмыкнул и решительно шагнул вперёд, но Олег заметил, с каким напряжением тот осматривает окрестности. И автомат, который Алексеев ему вернул, под рукой – в любую секунду готов открыть огонь.

Но снова тянулись минуты, по-прежнему приближались и оставались за спиной обступавшие тропку стволы деревьев, медленно и нудно уходило время...

– Смотрите! – Виктор показал посохом куда-то направо. – Что это там? Похоже на строение...

⁷ Саранка – лилия лесная (лат. *Lilium martagon*), многолетнее луковичное растение.

⁸ Огоньки, жарки – купальница азиатская (лат. *Trollius asiaticus*), травянистое многолетнее растение.

⁹ Ягель, олений мох – лишайники, которыми питается северный олень.

И верно – когда-то это было чьим-то жилищем. Давно только. Провалилась и истлела крыша, от стен остались только нижние венцы, да и они превратились уже в труху, в прах – тронь, и рассыпятся.

– Однако люди здесь жили, – удивился бакенщик. – Вон ещё одна изба, и ещё... А тут, похоже, стайка была, хозяева в ней корову или коз держали. Потом, наверное, ушли все, и память об этом селении стёрлась.

– Не все ушли, – тихо возразил Виктор. – Кое-кто здесь навсегда остался... На опушке нашёл свой последний приют.

Лес заканчивался резко, так обычно рукотворные посадки выглядят. И в десятке шагов от последних деревьев виднелись чёрные покосившиеся, а то и упавшие на землю кресты. Могильные холмики время совершенно сгладило.

– Странно: жильё в чашобе, а погост на открытом месте, – удивился Олег.

– Всё здесь странно... – отозвался Яков Антонович. – Однако, пора нам, ребята, на ночлег располагаться, солнце-то вот-вот за горы закатится. А что впереди – не понять.

Впереди была равнина. Торчали на ней какие-то странной формы камни, но они едва виднелись сквозь уже наползающий туман.

Да, бакенщик был прав: идти неизвестно куда смысла не было. Здесь, по крайней мере, дрова для костра под рукой...

5

Быстро темнело, и плотная волна тумана подступала всё ближе. Неожиданно из неё выступила человеческая фигура. Тёмный силуэт замер, потом сделал несколько неуверенных шагов и вдруг стал виден так ясно, словно его чем-то осветили. Тёмная пергаментная кожа плотно обтягивала впалые щёки, скалились из беззубого рта почерневшие зубы. Слепые глазницы на миг повернулись к застывшим на месте людям, и пустой взгляд черепа скользнул дальше, ища что-то, видимое только ему. Истлевшая кожаная одежда висела клочьями, за спиной мертвеца виднелся лук, иссохшая рука крепко сжимала рукоять длинного проржавевшего меча.

Олег вдруг поймал себя на том, что рассматривает воскресшего покойника без особого страха. Непонятно как, но он чувствовал, что реальная опасность подползала сзади, из мёртвого леса, но её что-то сдерживало, не давало приблизиться к людям и обрушить на них свою ярость...

– Баба, что ли? – негромко пробормотал Виктор, не отрывавший взгляда от страшной фигуры.

Теперь и Алексеев подметил, что шею мертвеца украшают изящно сплетённые гривны тускло-жёлтого цвета, а на поясе его висит что-то весьма похожее на зеркало с длинной рукоятью. Пожалуй, и вправду женщина...

Послышался странный мерный звук, и почти сразу же из тумана вывалился лошадиный скелет. Череп воительницы исказила жуткая гримаса, одним движением она взвилась в воздух и опустилась на уже приблизившийся к ней костяк, каким-то чудом не развалившийся при этом на части. Миг, и страшное видение исчезло в тумане.

А мерный звук всё нарастал, становился отчётливее, сильнее.

– Да там этих скакунов целая армия! – не выдержал Виктор. – Если дружно навалятся, никакой автомат не поможет. Может, пока не поздно, под деревьями укроемся?

– Не знаю... – как-то неуверенно отозвался Яков Антонович. – Там тоже происходит что-то нехорошее...

– Нет! – неожиданно резко возразил Алексеев и, стараясь смягчить тон, повторил: – Нет... Никуда не нужно уходить. Им нет до нас дела. Они уходят. Навсегда уходят. Опасны те,

для кого путь перекрыт, кто не может выйти из леса. Их гложет злоба и ненависть... Никуда не нужно уходить.

– С чего ты это взял? – не поверил Виктор.

– Не знаю. Чувствую, наверное... – Олег и сам не мог объяснить, откуда появилась у него эта уверенность.

– Смотрите! – воскликнул бакенщик.

В тумане проявились очертания большой лодки. Круто изогнутый нос украшала голова волка, а что было некогда изображено на истлевшем парусе, уже и не понять. Давно умершие гребцы мерно двигали обломками вёсел, скелет кормщика держался костяшками пальцев за изъеденную древоточцами мачту.

– И этот... «летучий голландец» тоже уходит?

– Ты ведь сам это видишь, – ответил Олег и пояснил: – Они торопятся. У них мало времени... Очень мало.

Туман всё более уплотнялся, его волна укатывалась прочь, и вместе с ней удалялись смутные силуэты, облачённые в обрывки одежды, затихали глухие, непривычные для мира живых звуки. А ярость так и не появившихся из-за деревьев существ сначала стала чуть ли не физически ощутимой, а потом резко пошла на спад, оставив после себя ощущение безысходной тоски...

Бакенщик осторожно дотронулся до плеча Олега рукой, и от этого прикосновения Алексеев сразу проснулся.

– Глянь-ка, Иваныч, – сказал Яков Антонович, указывая куда-то рукой.

Тумана не было. Серебрился в ночном небе серпик полнеющей Луны, мирно перемигивались далёкие звёзды. И вдруг Олег заметил далёкие красноватые отблески.

– Костёр? – встрепнулся он.

– Мы с Витей тоже так думаем, – согласно кивнул Яков Антонович.

– Далеко?

– Да не шибко.

– Нужно идти туда!

– Не сейчас. Подрастет немного, и отправимся. А ты попробуй направление поточнее запомнить.

– Я по компасу засёк, – подал голос невидимый в темноте Виктор.

Похоже, он отошёл в сторону от тлевшего костерка, чтобы и его слабый свет не мешал вглядываться в ночь.

– Ну и хорошо, – одобрил бакенщик. – Однако и тот компас, что в голове у каждого человека находится, совсем не помешает. Лучше, ребята, всё хорошенько запомнить...

* * *

Огромный таракан приблизился к пятну света и сложил свои пергаментно шуршащие крылья. Гладкое тело чудовища поблескивало тёмно-коричневым гляncем, мощные лапы впились в землю, а по бледно-жёлтому брюху ползали белёсые отвратительные существа – противно скрипели, перебирая многочисленными лапками. Они явно мешали мерзкому порождению, оно то и дело раздражённо встряхивалось, но сбросить паразитов не могло...

Боже, какая гадость! Да их здесь много... Вот ещё один показался, ещё, ещё, ещё...

А это что за тварь? Тоже какая-то тараканья родня? Нет, не похожа... Плоская, словно по ней каток проехал, пепельно-серая, только брюхо испещрено нарывного цвета пятнами. Раздвоенный хвост раза в два длиннее туловища. Лапы короткие, слабые, едва перетаскивают грузное тело, а первая пара – настоящие крюки-захваты. Меж них злобно тлеют выпученные шары-глаза, с острого и длинного хоботка свисают тяжелые капли липкой слюны...

Им оно и убивает, этим самым хоботом – вонзает его в сердце жертвы и начинает жадно высасывать не кровь, а саму жизнь. Сначала омертвеют пальцы, потом смерть охватит руки и ноги, потом подобрётся она к груди, к голове, потушит и мысли, и чувства...

Это будет длиться долго, очень долго, жертва отвратительного гада не раз и не два будет молить о конце мучений, но помочь ей не сможет никто и ничто...

Глава четвёртая

1

Серый, неохотно занимавшийся рассвет преподнёс новый сюрприз: вместо горного хребта, который перегораживал, по словам бакенщика, ущелье, превращая его в каменный мешок, перед ними расстилась равнина, поросшая жёсткой, похожей на ковыль травой. Горы синели где-то на горизонте, ближе виднелся невысокий холм, над которым поднималась тонкая струйка дыма.

Увидев эту картину, Яков Антонович невнятно выругался и решительно забросил за плечи рюкзак.

«Утомили уже эти чудеса, – рассуждал сам с собой Олег, поспешно собирая вещи. – И безумства природы, и ожившие покойники, и мерзкие твари – всё осточертело. Но откуда у меня вчера появилась уверенность, что мертвецы нас не тронут, что у них свои заботы? Непонятно. И ведь подтвердилось всё! А, ладно... Рано или поздно вся эта катавасия должна закончиться».

О призраках, прошествовавших ночью перед ними, ничто не напоминало, из леса, оставшегося за спиной, никто не появлялся, земля больше не завывала, и они быстро приближались к холму, над которым по-прежнему поднимался дымок.

Вот уже начался подъём, вот показались гранитные плиты, упавшие друг на друга так, что образовали каменную палатку – похоже, под их укрытием неизвестные и развели костёр. Ещё несколько шагов и... Сидевший у слабого огонька мужчина вскинул голову, и Олег узнал Вострикова. Анна лежала рядом с мужем, уткнувшись лицом в землю. Ленки нигде не было видно...

– Приве-ет... – растерянно протянул Сергей, глядя на Алексева. – Глазам своим не верю! Ты-то откуда здесь взялся?

– Вас ищем, – ответил Олег, протягивая ему руку, и сразу спросил: – Где Елена?

Востриков на вопрос не ответил. Вместо этого растерянно захлопал ресницами:

– Мы же всего на пару дней от графика отстаём... Или случилось что?

– Ты что, издеваешься? Болтаются невесть где чуть ли не месяц, а он про пару дней чушь несёт!

– Погоди, Иванович, – вступил в разговор бакенщик и повернулся к Вострикову: – Когда, ты говоришь, вы в ущелье вошли?

– Вчера...

– Та-ак...

– А что вас вообще сюда чёрт понёс?! – взорвался Алексеев. – И где, в конце концов, Ленка? – Он повернулся к сжавшейся в комочек Анне, которая с затравленным ужасом смотрела на всех. – Ты-то чего молчишь?

– Ну, ты не очень-то! – взвился в свою очередь Серёга.

– Хватит, мужики, – спокойно и устало произнёс Виктор, гася нелепую ссору. – Расскажи-ка нам, Сергей, всё. С самого начала. Спокойно и обстоятельно...

2

Причину, по которой Востриковы и Ленка поднялись в ущелье, Яков Антонович угадал в своё время правильно. Ночь потерпевшие кораблекрушение провели на пляжике под обры-

вом, а утром оказалось, что плыть дальше нельзя, – наспех сооружённая из хлипкого стволика поперечина катамарана буквально дышала на ладан.

С будущей распоркой пришлось повозиться: топор они утопили в Тушкеме, а нож – не самое лучшее орудие.

– Знаешь, я сразу почувствовал, что здесь мощнейшая аномальная зона! – с жаром заявил Сергей.

– Прямо-таки почувствовал? Да ещё сразу? – не смог сдержаться Олег.

– Конечно! – взвился Востриков. – Опытному глазу это сразу видно. Да и чему удивляться? В Сибири таких мест полным-полно!¹⁰

– Ну-ну, – хмыкнул Алексеев.

– Не веришь? А как тебе «Чёртова поляна»? На четвёртом месте в мире по загадочности! Ты, конечно, не согласишься, но там все звери и птицы сразу погибают, земля сплошь покрыта их костями. И в этом ущелье ничего живого нет.

– Костей, правда, тоже не наблюдается...

– И что? Истлело уже всё, разрушилось! Ни одна живая душа заходить сюда не рискует.

– Кроме вас. И нас. А на твою «Чёртову поляну» люди заходят?

– А как же! В восьмидесятых оттуда три туристические группы не вышли, семь с половиной десятков человек. А недавно ещё одна партия пропала...

– КПСС имеешь в виду? Так для них вся страна в аномальную зону превратилась...

– Да ну тебя! – обиделся Востриков. – Тебе бы всё шуточки шутить.

– Какие уж тут шуточки... – вздохнул Олег. – Ладно, рассказывай дальше. Выстрогал ты поперечину, это хорошо. А потом взял её наперевес, и отправились вы на штурм аномальной зоны. Так, что ли?

– Не так! Мы уже собрались возвращаться к реке, и тут появилось НЛО.

– Чего, чего? – не выдержал Алексеев.

– НЛО. Неопознанный летающий объект! Классического типа – такой на многих фотографиях запечатлён. Частая картина в аномальных зонах. Чечевица, метра этак три в диаметре.

Откуда она появилась, они не заметили. Зависла чуть выше вершин деревьев, а потом неторопливо поплыла в глубь ущелья. Естественно, они постарались её не упустить, разве можно не использовать такой уникальный шанс?

(Олег хмыкнул, но сдержался.)

Самое интересное, что НЛО оставляло за собой след, похожий на лунную дорожку на воде. Вот этой серебристой нити они и держались.

До леса дошли уже после полудня, точнее определить сложно – после аварии на Тушкеме все часы, даже Ленкины «водонепроницаемые», показывать время отказались...

– Подожди, – опять остановил рассказчика Алексеев. – Как вы прошли через поле травы-хваталки?

Какой ещё хваталки? Не было ничего такого. Срезанные стебли? Просто Сергей удивился незнакомому растению, ну и срезал несколько травинок, чтобы рассмотреть их получше...

На опушке леса наскоро перекусили – Востриков прихватил с собой рюкзак с самым необходимым, поскольку было непонятно, скоро ли отыщется нужная для катамарана жердь. Ну а потом опять пустились вдогонку за инопланетной техникой.

Почему инопланетной? А кто ещё на такое способен! Смешно даже, ей-богу... Ладно, ладно, не будем спорить...

Лес они пересекли по просеке, оставленной «летающей тарелкой».

¹⁰ Интересующихся темой отсылаем к книге: *Чернобров В. «Энциклопедия загадочных мест России. Первый в мире путеводитель по аномальным зонам, таинственным и удивительным местам»*. М.: Вече, 2004.

Где эта просека начиналась? Да прямо на опушке, там, где они костёр разжигали. Нет, ни заброшенной деревни, ни кладбища никто из них не видел.

Прошли лес и сразу оказались на древней дороге, выложенной красным кирпичом.

– А не жёлтым?¹¹ – снова съязвил Олег.

– Нет, именно красным, – не понял подкола Востриков. – Старая дорога, похоже, никто ею давным-давно не пользовался: и кирпич местами растрескался, и трава через него уже пробилась, а то и кустарники невысокие.

Через пару километров дорога уткнулась в гору, но в ней были прорублены трое ворот. Всё это очень напоминает древние храмы, Востриковы насмотрелись на них, когда ездили в турпоездку по Индии...

Собственно, средние ворота назвать таковыми можно с большой натяжкой – так, намеченный на идеально сглаженной стене проём. Но и к нему вела такая же лестница, как и к двум другим. А те были открыты, вот только правые затягивала словно бы плотная занавесь. Над воротами вырезаны барельефы: странные люди и животные окружают изображение Луны в разных фазах: центральная часть посвящена полнолунию, в левой царит только что родившийся серпик Месяца, в правой – Луна старая, умирающая. Они решили подняться по левой лестнице – серебристый след вёл именно к этим воротам. Да и задёрнутый чем-то непонятным проём доверия не внушал.

И вот тут началось что-то непонятное: Ленка шла по лестнице легко, а Сергея с Анной словно притормаживало – каждый шаг давался им с трудом. Там, правда, и ступени высоченные, чуть не по колено, намучаешься, пока на очередную вскарабкаешься. Да ещё и жарыща такая, как это только в южных краях бывает, несмотря на то что дело уже шло к вечеру. В общем, когда Елена достигла ворот, Востриковы едва до середины лестницы добрались. Ленка призывно махнула друзьям рукой, а потом укрылась от солнца в тени проёма.

Мгновение спустя небо затянуло тучами, и хлынул невероятной силы ливень – Востриковых с этой чёртовой лестницы буквально смыло. При этом Анна сильно ударилась рукой, которую повредила ещё на Тушкеме. Сергей рванулся на помощь жене и едва успел выхватить её из потока, мчавшегося уже у подножия лестницы.

– Хорошо, что холм этот рядом оказался, а то бы... – И Востриков покачал головой, словно боялся даже предположить, чем всё могло завершиться.

Им удалось укрыться в каменной «палатке», где валялось несколько охапок сухих веток, невесть как попавших сюда.

Буря бушевала до утра, вода подступила к самой вершине холма, но пару часов назад неистовство стихии пошло на спад.

– Лестница гораздо выше этой вершинки, – так завершил Сергей свой рассказ. – Уверен, что Лена где-нибудь укрылась и сейчас ждёт нас...

– Ты наружу сегодня выглядывал? – спросил его Олег.

– Конечно, – даже обиделся Востриков. – Примерно за полчаса до вашего прихода. Такой туманище стоял, что пальцев вытянутой руки не видно. Я покричал, но толку-то – звуки в этом тумане, как в вате, вязнут.

– Выйди сейчас, – предложил Алексеев.

Серёги не было долго. Когда же он вернулся в каменную «палатку», вид имел ошалелый.

– Этого не может быть! – с ходу заявил он. – Где лестницы, где ворота? Постой... – Лицо Сергея заалело. – Уж не думаешь ли ты, что мы бросили Ленку во время наводнения, а сами...

– Успокойся, – прервал его Олег. – Ничего такого я не думаю... Кстати, имей в виду: вошли вы в это ущелье почти четыре недели назад.

¹¹ Дорога из жёлтого кирпича вела в Изумрудный город. См.: *Баум Л.Ф.* Волшебник страны Оз; *Волков А.* Волшебник Изумрудного города.

– А-а-а...

– Мы, паря, по нему до вас больше трёх суток добирались, – пояснил Яков Антонович, а Виктор молча кивнул, подтверждая сказанное.

– Но этого просто не может быть! – Востриков повернулся к жене: – Аня, подтверди! Как же это?..

– Ну, это ж ты специалист по аномальным зонам, – не удержался от шпильки Олег. – Тебе и карты в руки...

– Если вы не шутите, то здесь явное нарушение временного континуума. А может, и пространственного тоже. – В глазах Сергея появился странный блеск.

– Мы не шутим, – заверил его Алексеев. – И ещё: сказанное тобой звучит очень красиво, но будет лучше, если ты всё это переведёшь на нормальный человеческий язык и просто объяснишь, что в этом ущелье происходит.

– Я же говорю, – взмахнул руками Востриков, – судя по всему, мы столкнулись с аномальной зоной. Уникальное явление! Его природу можно объяснить как теорией множественности пространственных измерений, так и...

– Хватит, Серёжа, – оборвала входящего в раж мужа Анна, и тот покорно замолчал.

– Понятно... Как я предполагаю, конкретных предположений нет? – констатировал Олег и, помолчав, добавил: – Ладно, тогда ещё один вопрос: вы случайно Ленкиного бывшего не встречали?

– Артишока? – удивилась Анна. – И он здесь?

– Должен где-то быть... – уклончиво ответил Алексеев, украдкой скосив глаза в сторону Виктора. – Ну а теперь главное: как нам теперь эти чёртовы ворота разыскать? В какую сторону идти?

– Только нас здесь не оставляйте! – буквально взмолилась Анна. – Поймите: мне страшно! Мне никогда в жизни не было так страшно!

– И думать о подобном не смей, – успокаивающе произнёс Яков Антонович. – Не для того мы вас разыскивали, чтобы в беде оставить... Однако пойдёмте-ка ребятки, на свежий воздух, осмотримся и посоветуемся, как дальше быть. А то неуютно как-то под этими каменюгами...

– Что скажешь, Иваныч? – хмуро поинтересовался бакенщик, когда они ещё раз внимательно осмотрели окрестности (Анна выходить из «палатки» отказалась, а Сергей, извинившись, остался возле жены).

Знакомый лес серел невдалеке, до гор, виднеющихся на горизонте, было идти и идти. И никаких следов дороги, лестниц и ворот, о которых рассказывал Востриков.

– Ребят нужно вывести в Ахтимнеево, – начал с совершенно ясного Олег. – Анна на грани нервного срыва, местных... фокусов она просто не выдержит. Может, ты их отведёшь? – И он повернулся к бывшему охраннику.

– Нет! – резко возразил тот. – Один раз я вас уже оставил, хватит...

Алексеев посмотрел на плотно сжавшего зубы Виктора, на то, как по щекам его перекачиваются желваки, и настаивать не стал.

– Думается, – взвешенно начал бакенщик, – есть резон всем вместе это сделать. Ты погоди, – остановил он вскинувшегося было Олега. – Мнится мне, что стоит вернуться и поискать этот серебристый след, о котором друг твой рассказывал. Похоже, здесь лишний шаг в сторону сделаешь – и попадёшь совсем не туда, куда шёл. Нарушишь этот самый континуум, как он по-научному выразился. А след – это ниточка надёжная... Ты, Иваныч, сам посмотри – до гор тех мы, дай бог, если за неделю доберёмся. Больше окрест ничего нет, одна трава... И ещё одно – продукты у нас почти что закончились, а дичи вокруг никакой. Это тоже не дело... Да и боезапас стоит взять с собой посолиднее. В общем, как ни крути, а возвращаться в Ахтимнеево придётся... Может, и родственник твой бывший встретится, сюда-то он, похоже, так и не добрался... Ну как, убедил?

Олег понуро кивнул. Он и сам понимал, что других вариантов продолжения поисков непутёвой сестрицы, похоже, нет. Лишь одно утешало – утверждение Вострикова о том, что провели в ущелье заблудившиеся всего сутки. Такое не придумаешь, а значит, есть надежда, что Ленка ещё жива...

3

До берега Тыи они добрались задолго до заката. Лёгкой выдалась обратная дорога – без проблем пересекли вроде бы поредевший лес и споро зашагали по ущелью. Учитывали силы Анны, которая хотя и частенько сбавляла ход, но упрямо шла, закусив губу и прижав к груди свою многострадальную руку, поэтому слишком не спешили. Но и не медлили – задержались лишь один раз, там, где Востриковы и Ленка увидели «летающую тарелку». И вправду, на земле был виден странный след – слабый, серебристый, словно проползла здесь здоровенная улитка. Яков Антонович пометил начало следа свежесрубленной веткой, а Виктор тщательно взял направление по компасу.

И дальше никаких препятствий не встретилось, словно сгинули они невесть куда. Обычное ущелье, обычные скалы, обычная трава. И усталость неожиданно отступила.

«Такое ощущение, будто кто-то нам помогает, с радостью выпроваживая незваных гостей прочь», – подумал Алексеев.

Бакенщик зачем-то привязал к лодке катамаран. Олег хотел было возразить (вдруг Ленка выберется всё же из ущелья), но потом сообразил, что использовать настолько исковерканное плавсредство может только ненормальный, а свою сестрицу при всех её недостатках он к данной категории никогда не относил.

Когда лодка обогнула островок и вышла на стрежень, Вострикова расплакалась, прижавшись к плечу мужа. Сергей тихо шептал ей что-то успокаивающее, бережно обнимая за плечи.

Зиновий стоял на причале – видно, издалека слышал шум мотора. Быстро оглядел вернувшихся выцветшими от времени глазками, и лицо его растянулось в довольной улыбке. Впрочем, старик тут же заметил напряжённые лица друзей, и улыбка угасла. Спрашивать ничего не стал, засуетился, помогая выгрузиться.

Яков Антонович даром времени не терял: погнал Виктора с Сергеем рубить дрова и растапливать баню, внимательно осмотрел посиневшую руку Анны, заявил, что перелома нет, и тут же отправил Зиновия в тайгу за какими-то травами.

Олег помогал всем по мере сил, но двигался, словно на автомате – мысль о затерявшейся невесть где сестре не оставляла. Тёму вспомнил лишь однажды, да и то мимоходом, придя к успокоительной мысли, что «дерьмо не тонет», как-нибудь выкарабкается ушлый бизнесмен из переделки, в которую сам же себя и загнал. Оказалось – ошибался.

После того как все смыли с себя грязь и усталость, немного успокоившаяся Анна крепко уснула, а остальные устроились за столом, Зиновий вынул изо рта чадающую трубку и сообщил:

– Однако толстый ваш потонул.

– К-как? – поперхнулся Виктор.

– Рыбаки сетями поймали, – невозмутимо пояснил старик. – Полный брюхо воды набрал. Милисанер приплывал, спрашивал. А я что? Я ничего не видел.

– Дела-а... – протянул Яков Антонович. – Больше милиция ничего не говорила?

– Нет, однако. – Зиновий выпустил изо рта очередной клуб дыма. – А что ещё? Потоп и потоп. Про тебя милисанер спрашивал, было дело. Я говорю: тайга ушёл. Он велел, как вернётся, к нему ехать.

Виктор резко поднялся и вышел из дома. Немного помедлив, Алексеев последовал за ним. Ничего не понявший Сергей и бакенщик, озадаченно потирающий подбородок, остались в комнате.

Бывшего секьюрити Олег застал на причале. Сгорбившись и засунув руки под мышки, тот упорно смотрел на серп Луны, выкарабкивающийся из-за гор. Заслышав шаги, обернулся.

Алексеев поймал его взгляд и успокаивающе кивнул: что произошло, мол, того не изменишь. Виктор заговорил сам:

– Как же так? Я ведь стрелял...

– Значит, промазал.

– Смеёшься? Я из «макара» на бегу пулю в десятку всаживаю, гвозди в забор забиваю! А тут... Чуть не полную обойму «в молоко» пустил?

– Ты промахнулся, – жёстко повторил Олег. – И хватит об этом. А Тёма... Знаешь, есть поговорка: «О мёртвых или хорошо, или никак». Вот и будем «никак».

– Правильно говорить: «Или хорошо, или правду»...

– И кто этой правде поверит? Подумают, что врёшь, а то и в психушку упрячут...

– А что я скажу, если спросят?

– Покумекать нужно... Ладно, пойдём в избу, все вместе посоветуемся.

Оказывается, Яков Антонович пришёл к тому же выводу и даже успел придумать вполне достоверную версию.

– Что, ребятки, на самом деле произошло с Артемием (мир его мутной душе), мы не знаем. Значит, говорить придётся так: мы ушли в ущелье, а он остался возле лодки, коньячок прихлёбывать. Зачем полез в реку – бог весть. Может, сорвался с перепоя, али рыбу решил половить, кто ж его знает? Так и скажем, когда спросят. Но это всё потом. В милицию ехать, это сутки на дорогу терять, да и не отпустят оттуда быстро. А у нас времени нет. Покойнику всё равно, а живого человека нужно разыскать. Так что, Зиновий, мы как ушли, так и не возвращались. Понятно?

Старик молча кивнул.

– Теперь ты, Сергей, – бакенщик повернулся к по-прежнему молчавшему Вострикову. – Сам запомни накрепко и жене внуши: вы нас не встречали. Сами выбрались из ущелья и на своей фигоvine сюда доплыли. Хорошо, что я сообразил её забрать, сердце словно чувало что-то... И ещё – о том, что в ущелье видели, помалкивай.

– Это понятно, – криво улыбнулся Востриков. – Мне и самому в больницу для свихнувшихся совсем не хочется.

– Вот-вот, правильно соображаешь... Всё, мужики. Мне собираться пора, а вы спать укладывайтесь, разбужу затемно.

– Опять в дурное место пойдёшь? – осуждающе спросил Зиновий.

– Нужно. Однако ты прав был – такого поганого места я в жизни не видел. Но и выхода нет.

– Тогда и я с вами, – невозмутимо заявил старик.

Яков Антонович внимательно посмотрел на него и отрицательно качнул головой:

– Нет, дружище, ты здесь будешь. И за гостями нашими поухаживаешь, и за хозяйством пригляд нужен. А если снова милиционер приедет? Не застанет никого и, не дай бог, решит, что мы дружно в бега подались, а это ведь не дело. Согласен?

Зиновий покорно кивнул.

– Слаб он уже, – тихо шепнул Олегу бакенщик. – Лет пять назад я бы сам упрасивал его пойти с нами, а теперь что же? Годы, они никого не щадят...

– Я, вообще-то, тоже собирался, – подал голос Востриков. – Нельзя же так: Лена невесть где, а я тут отсиживаюсь...

– Ты лучше о жене подумай, – строго ответил Яков Антонович. – Ей, чтобы в себя прийти, не один день потребуется. Вот и позаботься о ней. Ну а если припоминаешь что, или мысль какая в голову пришла, выкладывай. Неизвестно, что там пригодиться может... А вообще-то, хватит лясы точить. Спать!

- Мне тоже собраться нужно, – заявил Виктор, вставая.
- И у меня ещё дело есть, – добавил Алексеев.
- Вот и не возитесь долго. Силы и бодрость нам ещё очень даже пригодятся.

4

То, чем предстояло заняться Олегу, очень ему не нравилось, но... Дело в том, что уже несколько лет Тёма всюду таскал с собой толстенную тетрадь, в которую, как он сам однажды высокопарно выразился, «заносил лучшие свои мысли и деяния».

– Надеешься, что издадут о тебе книжку в серии «Жизнь замечательных людей»? – как-то пошутил над тогда ещё родственником Алексеев.

– Там видно будет... – важно ответил Артишок.

Смерть бывшего Ленкиного «суженого», честно говоря, не слишком задела Олега. Так бывает, когда очень неприятный тебе человек внезапно навсегда уезжает куда-то. Уехал и уехал. Не пишет, не звонит, не напоминает о себе, и замечательно. Конечно, о скончавшихся принято сожалеть, вспоминать об их добрых делах и поступках, но не получалось это у Олега никак – слишком уж гаденьким человечком был «успешный бизнесмен». Интересно, хоть кто-нибудь всплакнёт о нём? Родственников у Тёмы вроде как не было, родителей он уже похоронил, да и не общался в последние годы их жизни с «этими осколками преступного режима». Друзей у него тоже не водилось. Разве что кто из коллег по бизнесу или сотрудников фирмы погорюет – не бывает, чтобы никто об ушедшем не пожалел. Или всё-таки бывает?..

Виктору Алексеев верил – не станет тот врать, да ещё и наговаривать на себя. Не такой человек. Бросил его Тёма в беде, удрал, вот только от судьбы не убежишь... Трясущееся от страха лицо Артишока, его злые глаза, ненависть и презрение ко всем, кроме себя, остались в памяти. Как и его странные слова о висюльке, отданной Ленке. Может быть, записал что-нибудь Тёма в свой «конduit», может, именно там и таится разгадка непонятной тайны?

Олег осторожно достал из-под кровати дорожную сумку Артишока и брезгливо приподнял смятые, несвежие вещи. Вот она тетрадь, лежит на самом дне...

Похоже, Тёма начал вести свои записи со времени его работы в комсомоле. Вот первая: *«Сегодня познакомили с Первым секретарём райкома нашей партии. Личность! Настоящий Ленинец! Работать с таким – честь. Помню, как подгибались ноги, когда я входил в его кабинет, как хотелось вскочить со стула, встретившись со взглядом пронзительных серых глаз...»*

Эк его на пафос потянуло... Но это совсем не то, что мне нужно.

«Заведующий отделом рассказал политический анекдот о партии. Как у него язык поворачивается? Неужели не понимает, что мы, комсомольские работники, даже в мыслях не можем позволять себе подобного? Нужно будет шепнуть об этом случае кому следует, пускай примут меры...»

Опять не то...

«Первого наконец-то сняли. Прав Михаил Сергеевич – партийные комитеты должны возглавлять люди, лично знающие производство, а не кабинетные теоретики...»

Дальше, дальше...

«Настоящая жизнь начинается! Сегодня помогал народу выгонять из кабинетов партийных и комсомольских чинуш. Жалко, что моё прошлое подпорчено службой преступному режиму, ну да ничего...»

Перестраивается Артишок, ищет новые пути к новой жизни. И чёрт с ним... Дальше...

«Ну не сволочь ли Жорж? Попытался надуть меня, а потом разорался: “А ты сам-то!” Что сам? Я – это я! Ничего, я этому козлу такое устрою, что век не забудет. Получит своё...»

Прям-таки запись из тетрадки Билли Бонса: «У Палм-Ки он получил все, что ему причиталось»¹². Ладно, пускай Жорж получает жоржево. Дальше...

«Не дала, тварь. Ещё и уволиться пригрозила. Куда ты денешься со своим поганым дипломом? Разве что на панель или шмотками по электричкам торговать. Ничего, прижму зарплатой, лишу премии, не только ляжешь, а будешь делать всё, что захочу. Не первая и не последняя...»

Вот сволочь! Судя по дате, в это время он ещё жил с Ленкой. Сюсюкал: «Ленусик, солнышко»... Так, а это что такое?

«Бывают же такие дурацкие имена? Я чуть язык не сломал, а выговорить его так и не смог. Договорились, что буду звать этого чудика просто Кумаром. Проект он предложил клёвый, можно зашибить хорошую деньгу...»

Дальше опять про баб, жалобы на поделщиков. Не то всё это...

«Третий день прихожу в себя... Господи, спасибо, что спас раба Твоего! Опаздывал на встречу с Папоротником, думал, что мне за это голову открутят, а как повезло! Когда приехал, и дача, и Папоротник, и все его бойцы уже догорали. Страшно подумать, что я ни за что ни про что мог попасть под раздачу...»

Помню, шумное было дело. Не думал, что Артишок к нему каким-то боком причастен... Стоп, мелькнуло вроде знакомое имя...

«Гад этот Кумар! "У нас так дела не делают!.. Я принц!.." Да по мне хоть сам король. Подписал контракт, выполняй. Ничего, я ему стрелку на завтра забил. Там всё из него вытрясу...»

Принц Кумар... Что-то очень знакомое... Нет, не помню... Так, встрече и разборкам чуть не страница посвящена. Ну и караули! Пьяным Артишок это писал, что ли? С него станется...

В конце концов Олег всё-таки смог понять, что произошло в тот неожиданно ставший памятным для Тёмы вечер в ресторане «Цыганка»...

Кумар обрушил на партнёра град упрёков, но Артишок не стал его слушать. Стукнул по столу вялым кулачком и зашипел:

– Ты что, морда импортная, думаешь, что здесь ваша заграница? Судом мне грозить вздумал? Да я тебя здесь же, под этим столом, урою! Срок тебе даю: две недели. Не выплатишь процент, из-под земли достану!

Тёма мог себе такое позволить – незадачливый партнёр пришёл на «стрелку» один (идиот он и есть идиот), а за спиной Артишока маячил Лёха-джигит, который шестерых таких Кумаров уделает.

Для полноты эффекта Тёма ухватил Кумара за воротник и резко дёрнул. Тот испуганно отстранился, и в руке Артишока остались порванная цепочка и всящая на ней тяжёлая бляха. Лицо Кумара исказила гримаса ненависти, на смену ей пришло выражение ужаса.

– Отдай... – прохрипел он.

– Перебьёшься! – Тёма удовлетворённо хмыкнул и налил себе полный фужер коньяка. – Считаю, принц, что это штраф за твою глупость, и радуйся, что легко отделался. Проваливай!

Кумар долго смотрел на него, потом встал и поплёлся к выходу. Внезапно обернулся (глаза его странно блеснули) и чётко выговорил:

– На себя берёшь ты древнее проклятие и сам будешь нести ответ за это...

– Толай, толай, – лениво отмахнулся от него Артишок.

Но, видно, зацепили слова Кумара Тёму, потому что на следующей странице его тетрадки красовалась следующая запись:

«Испугал ежа голой задницей! Я уже в церковь сходил, свечку поставил, заплатил за то, чтобы за здоровье моё помолились. Плевал я и на него, и на евовных богов!»

¹² Стивенсон Р.Л. Остров сокровищ.

Расстроило Артишока другое: подвеска оказалась не золотой (как он думал, прикинув её вес), а из какого-то не имеющего ювелирной ценности металла. Вот он и сбавил её супруге, выдав за древность, привезённую из заграничной командировки...

А Кумар исчез, и попытки Тёмы разыскать его ни к чему не привели. Смылся, судя по всему, из страны, ну а для того, чтобы разыскать его в дальнем зарубежье, ручонки у Артишока оказались коротки...

Так, откуда взялась безделушка, выяснилось. И что? А ничего. Может быть, дальше что-нибудь в дневнике записано?

Бизнес, бабы, надул кого-то Тёма, его надули, опять бабы, плач по поводу того, что начали Артишоку сопатку, перечень чиновников, которые уже получили взятку, и тех, кому её нужно дать, бабы, восторг от кабаков, бабы... Содержательную и интересную жизнь вёл перспективный бизнесмен, ничего не скажешь... Причём, судя по всему, всем он был доволен, конечно, за исключением того, что по роже схлопотал...

О-па! А вот это, кажется, то, что нужно...

Случилось всё за три дня до появления Артишока у Алексева.

В тот день Тёма приехал в свою фирму пораньше. Нинель уже ждала шефа в его кабинете, абсолютно подготовленная. Но только они устроились на удобном кожаном диване, как дверь распахнулась, и в неё спокойно вошёл седовласый представительный мужчина, сопровождаемый двумя внушительных габаритов типами с суровым выражением на лицах.

Тёма дёрнулся было к столу, чтобы нажать кнопку вызова охранника, но незнакомец неодобрительно покачал головой.

– Не надо... – Палец его правой руки повелительно указал на Нинку. – Пусть эта выйдет. Не нужно никому ничего говорить.

И гадская сучка, понятиливо кивнув, сгребла свою одежку и, как была, в чём мать родила, шмыгнула за дверь. Артишок понял, что пропал: не будет она ни в милицию звонить, ни разыскивать невесту куда запропавшего Лёху-джигита (была его очередь охранять босса).

А незнакомец спокойно опустился в кресло и, глядя на трясущегося, как студень, бизнесмена, произнёс:

– К вам попала вещь, принадлежащая нам...

В этот момент Тёма встретился с говорившим глазами, и его сердце ухнуло в желудок...

Как ни странно, Олег состояние бывшего родственника в этот момент понимал, ибо несколько лет назад ему самому пришлось увидеть такой же взгляд. В гости к Алексеву приехал давний товарищ и привёл с собой некоего юношу, начинавшего политическую карьеру в одной из новорожденных постсоветских республик. Очень интеллигентного молодого человека, прекрасно разбиравшегося в литературе и живописи, легко и к месту цитировавшего стихи. Но в какой-то момент Олег увидел его глаза и понял, что приятный во всех отношениях гость не остановится ни перед чем, не задумываясь и не испытывая угрызений совести, убьёт любого, вставшего у него на пути...

Тёма не смог выдать из себя ни звука. А так напугавший его пришелец продолжал:

– Я имею в виду вот это.

И он показал выточенную из камня копию подвески, которую Артишок сорвал некогда с шеи злосчастного Кумара, а потом подарил Ленке, после чего и думать о ней забыл.

– Вы передаёте эту вещь нам, мы вам за неё платим, – продолжал тем временем незнакомец. – Думается, такая сумма вас устроит.

И он написал на страничке календаря-ежедневника цифру с шестью нулями.

Тёма икнул.

– Разумеется, речь идёт о твёрдой валюте, – пояснил седовласый. – О долларах США. Вы согласны?

– Ы-ы-ы... – затряс головой бизнесмен.

– Вот и превосходно, – объявил незнакомец. – Но хочу предупредить: если вы только попытаетесь нас обмануть...

И Артишок вновь встретился с глазами, вызывавшими у него животный ужас.

Когда седовласый и его молчаливые сопровождающие покинули кабинет, Тёма с трудом оторвался от ставшего мокрым и липким дивана, потом, не отводя глаз от написанной цифры, натянул трусы и прочие причиндалы. В голове его, сменяя друг друга, метались две мысли: «Джигита выгоню к чёртовой матери!» и «Нинку, подлюгу, удавлю! Из дерьма поднял, без меня так и работала бы, стерва, младшим продавцом. И вот – благодарность!» Однако постепенно бизнесмен начал соображать более логически.

Лёху-джигита, нагло хлопавшего заспанными глазами и клявшегося, что никто мимо него не проходил, Тёма всё же уволил, Нинель же трогать поостерёгся, учитывая, сколько она о нём знает, а также и то, на что способна разъярённая баба.

Он тут же помчался к Ленке и, к своему ужасу, узнал, что бывшая жена отправилась куда-то к чёрту на кулички, да вдобавок связь с группой утеряна...

Рассказать всё седовласому? Вот только поверит ли он? А если поверит, не примется ли сам за розыски? Но тогда прощай обещанное, не видать Тёме неожиданно посулённых денег, как своих ушей! Значит, придётся брать всё в свои руки. И срочно – счётчик тикает, отведённое время уже утекает...

Вот теперь хоть что-то стало ясным. Поведение Артишока, во всяком случае. А как врал, гад: «Только из важнейшей командировки вернулся!...» Правда, непонятно, кому и зачем понадобилась дурацкая подвеска? Вспомнить бы, что на ней выбито... Да ещё это имя – принц Кумар. Почему оно кажется таким знакомым?..

5

Востриков понуро сидел возле уже прибранного стола и перекачивал в ладонях стакан с остывшим чаем. Поднял на Олега глаза и забубнил:

– Ну, неправильно это... Неправильно! Почему я должен в этом Ахтимнееве сидеть? А если что случится с вами? Ты ж мне такого по дороге рассказывал...

– Обсудили уже, – отмахнулся от него Алексеев. – Прикинь: а если и в самом деле с нами что-нибудь произойдёт, кто помощь организует? Зиновий? Так не поверит ему никто, решат, что он от старости из ума выжил. Да и не был Зиновий в ущелье. Вот и выходит, что ты – наша последняя надежда. Если не милицию, так ребят своих поднимаешь. Найдутся, поди, среди них рискованные люди?

– Конечно, – расстроено подтвердил Серёга. – А если в милиции спросят, где мы несколько недель проболтались?

– Наврёшь что-нибудь! – начал сердиться Олег. – Сидели возле болота и НЛО караулили, пока все запасы продуктов не подъели...

– Мы ж этих болот в глаза не видели...

– Можно подумать, стражи порядка их вдоль и поперёк исходили, – отмахнулся Алексеев. – Успокойся: ничего там нет, кроме трясины и ряски. В общем, как писал мой знакомый: «Болота эти знаменитые – правда, единственно своими размерами и проистекающей отсюда полной бесполезностью»¹³. Но для здешних мест – достопримечательность. Никто не удивится, что на них уфологов занесло, – вашего брата только в таких дырах и встретишь.

– А если об Елене разговор зайдёт?

– Чего ради?

– А вдруг?

¹³ Бушков А. Первая встреча, последняя встреча.

– Господи, из всего ты проблему делаешь! Скажешь, что вы в Ахтимнеево отправились, поскольку Анка руку повредила, а Лена ещё до этого со мной в тайгу ушла.

– Зачем?

– Брат ей так велел! Я, то есть. Ты мне лучше вот что скажи: не помнишь, что на Ленкиной подвеске нарисовано?

– А-а-а, – оживился Востриков. – Загадочная, я тебе скажу, эта штука! Надпись на ней на не известном людям языке сделана. Погоди, сейчас покажу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.